

Лукиянов Олег Валерьевич

**САМОИДЕНТИЧНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ УСТОЙЧИВОСТИ ЧЕЛОВЕКА В
МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

Специальность 19.00.01 – общая психология,
психология личности, история психологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Томск – 2009

Работа выполнена на кафедре социальной и гуманистической психологии ГОУ ВПО
«Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор психологических наук, профессор
Галажинский Эдуард Владимирович

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, профессор
Сергиенко Елена. Алексеевна

доктор психологических наук, профессор
Леонтьев Дмитрий Алексеевич

доктор психологических наук, профессор
Красноярцева Ольга Михайловна

Ведущая организация: Учреждение РАО «Психологический институт»,
г. Москва

Защита состоится 27 ноября 2009 года в 14.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.267.16 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
д-р псих. наук, доцент

Т.Г. Бохан

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Проблема самоидентичности возникла в психологии на стадии ее перехода от идеалов классической рациональности к идеалам неклассицизма и с тех пор прочно заняла свое место среди центральных проблем теории и практики. С момента возникновения ее следует относить к числу сложнейших общенаучных и философских проблем, в решение которых значительный вклад вносит психологическая наука. Вопрос, имеющий общенаучную значимость звучит так: *каким образом и за счет чего обеспечивается устойчивое бытие систем, способом существования которых является (само)развитие?* «Сегодня познавательное и технологическое освоение сложных саморазвивающихся систем начинает определять стратегию переднего края науки и технологического развития» (В.С. Степин, 2003). В психологии эта проблема, поступательно углубляясь, обретает свое специфическое решение, трансформируя научную мысль, и этот опыт является поистине бесценным как для философии и гуманитарных наук, так и для наук, предметом которых являются менее сложные саморазвивающиеся системы, нежели человек.

Но проблема еще и в том, что этот опыт был и продолжает оставаться не достаточно отрефлексированным, хотя уже сегодня понимание развития представлений об идентичности может внести существенный вклад в решение вопросов, считающихся наиболее трудными в философии саморазвития. К их числу относится вопрос о возникновении в саморазвивающихся системах специфических инструментов – «информационных структур-кодов», на которые падает особая динамическая нагрузка. Эти инструменты, возникая, отбирают то, что значимо для системы, «фиксируют ценную для системы информацию», и, выступая компонентом системы, «определяют способы ее взаимодействия со средой и ее воспроизводимости как целого» (В.С. Степин, 2003). По отношению к человеку таким инструментом надо считать психику, но проблема собственно психологии заключается в том, что психика привычно продолжает рассматриваться в своей отражательно-регулятивной функции и до сих пор наука не может в полной мере оценить гениальную догадку Л.С. Выготского: «вся психика построена по типу инструмента, который выбирает» (Л.С. Выготский, 1982).

Л.С. Выготский был одним из первых ученых, обративших внимание на то, что психология сталкивается с «динамикой сорта *flushing*» (текучей динамикой) и это проявляет несовершенство методов «статического» понимания психики и человека. «Статическая» точка зрения, в отличие от «динамической», «бессильна разрешить вопросы происхождения, развития, течения жизни и вынуждена ограничиться констатированием, собиранием, обобщением и классификацией эмпирических данных, *не зная истинной природы изучаемых явлений*» (Л.С. Выготский, 1983). Традиционная наука, по мнению автора культурно-исторической теории, привыкла рассматривать психологические феномены «как статус, а не как процесс, как состояние, а не как становление». Эта методологическая установка во многом сохранилась и до сих пор, что существенно затрудняет не только изучение, но и осознание общенаучного и психологического значения проблемы самоидентичности. С другой стороны, на современном этапе требует

реализации потенциал культурно-исторической психологии, вышедшей к принципу «детерминации будущим», и придающей содержательную определенность идее Гегеля о необходимости иного определения понятия и сущности времени для процессов (само)развития.

Замысел нашей работы заключался в том, чтобы, опираясь на идеи системной антропологической психологии (как одного из вариантов современного развития культурно-исторической психологии), вывести проблему самоидентичности в процессуально-динамический контекст и, последовательно выдерживая его, определить место и роль самоидентичности в качестве важнейшего условия, обеспечивающего устойчивость человека, жизнь которого представляет собой постоянно идущий и воспроизводящийся процесс перехода возможности в действительность. Актуальность, то есть возможность и своевременность такой постановки проблемы, обеспечивается концептуальными основаниями системной антропологической психологии, методологическим основанием которой является теория саморазвивающихся психологических систем (ТПС), разрабатываемая сибирскими учеными (В.Е. Ключко, 1999; Э.В. Галажинским, 2002; О.М. Краснорядцевой, 2001 и др.). Указанная концепция реализует принцип «перспективы будущего», который, по замыслу Л.С. Выготского, «позволяет понять развитие и жизнь личности как единый процесс, стремящийся вперед».

Конкретно-научная актуальность проблемы определяется необходимостью упорядочивания имеющегося в науке многообразного знания об особенностях идентичности человека в современном мире. Пока это знание объемно, разномасштабно и дезинтегрировано. Практически ни одно научное направление не обделило интересующую нас предметную область своим вниманием, порождая различные определения идентичности. В рамках когнитивных подходов идентичность определяли как когнитивную структуру, определяющую мотивацию (Х. Маркус); представители динамических подходов – как форму канализации жизненных энергий (З. Фрейд), стиль жизни (А. Адлер), характер базового конфликта (К. Хорни), форму достижения позитивной свободы (Э. Фромм); представители гештальт-психологии предлагали понимать идентичность как принцип образования целостных форм бытия (К.Левин); экзистенциалисты – как экзистенциальный центр (Н. Бердяев); структуралисты как структуру социального научения (Х. Тэджфел, Г. Гарфинкель); интеракционисты – как систему ролей, формирующих личность (Я. Морено, Дж. Мид); ученые, предпочитающие символические объяснения, определяли идентичность как архетип или миф (К. Юнг); предпочитающие нарративные объяснения – как самоописание (К. Герген); концептуальные гуманисты – как Я-Концепцию (К. Роджерс); приверженцы конституциональных объяснений – как совокупность базовых конституциональных характеристик (Б.П. Ганнушкин, М.Е. Бурно); представители холистических направлений – как культурную целостность.

Современные российские психологи, при изучении проблем идентичности, обращают внимание на темпоральные характеристики идентичности: дление себя, работа личности (М.Ш. Магомет-Эминов, 2007), практики себя (С.С. Хоружий 1999) и онтологические: типологии жизненных миров (Ф.Е. Василюк, 1984, 1992, 2003), понимание и

самопознание как основы бытия личности (В.В. Знаков, 2005), особенности развития на разных этапах взросления (Е.А. Сергиенко, 2007).

В реферативный анализ пониманий идентичности в психологии можно включать очень большое число имен и подходов. И такое реферирование регулярно осуществляется. Достаточно отметить хотя бы ряд современных отечественных ученых, сделавших обзоры об идентичности в последние годы (Г. М. Андреева, Ц.П. Короленко, В.С. Агеев, Н.Л. Иванова, Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая, Т. Г. Стефаненко, И.Ю. Гусев, И.С. Кон, Н.В. Дмитриева, М.В. Цельмина и др.).

Обобщая, можно сказать, что, пытаясь решить проблему устойчивости (непрерывности, продолженности, стабильности) Я во времени, психологи зачастую и в различной степени, абстрагируются от того факта, что жизнь человека является непрерывным процессом жизнетворчества, который проявляется как столь же непрерывное *«расширение мира, расширение жизненных отношений»* (Д.А. Леонтьев, 2001). Собственно, это и порождает противоречие, определяющее **проблему** всего исследования. Получается, что человеческое Я устойчиво не только по отношению ко времени, но и по отношению к жизненному (ментальному) пространству человеческого бытия, «расширение» которого вовсе не является тем, что вызывает кризис идентичности, но, наоборот, скрывает в себе механизм устойчивости Я. Такая перекомпоновка проблемы требует перехода от бинарных построений к тернарным конструкциям, к признанию того, что нельзя приблизиться к решению проблемы идентичности, минуя проблему динамики многомерного жизненного мира – закономерностей его становления в онтогенезе как последовательного формирования «мерностей», обуславливающего соответствующую трансформацию Я (В.Е. Ключко, 2000, 2005), и последующей динамики, проявляющейся в расширении многомерного мира человека в процессе жизнеосуществления.

Необходимость такого переосмысления проблемы требует и глобальность социального заказа, обращенного к психологии. Земное сообщество входит в новую фазу своего развития, и уже возникают вопросы о том, что происходит с идентичностью человека в условиях зарождающегося информационного общества и какие коллизии нас ожидают впереди. Эти вопросы обретают особую актуальность, если учесть, что и экономика на этой фазе обретает другой облик, становясь все более антропоцентрической (инновационной, интеллектуальной). Ответы на них нельзя затягивать, поскольку надо принять как факт: «мы живем в эпоху становления виртуальной идентичности» (А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов, 2009). В такую эпоху, полагают авторы, стирается граница между личностью и социальной средой, и становится по-настоящему непонятно, «где человек, а где окружающие его культурные артефакты» и требуется еще понять, каким образом «мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего Я».

Сложность перестройки профессионально-психологического мышления, в связи с выходом к новым парадигмальным установкам постнеклассического уровня, обуславливается также тем, что по мере увеличения числа эмпирических данных растет и многообразие выделяемых видов идентичности (личностная, социальная, гражданская, профессиональная, гендерная, конфессиональная, этническая, семейная и пр.). В разра-

ботках этих типов идентичности используются различные концептуальные основания, более того, пересекаются исходные идеи, являющиеся базальными для различных парадигм, которых придерживалась наука на разных стадиях своего развития. Возникает противоречие. Предварительный историко-системный анализ развития проблематики идентичности в психологии позволяет говорить о проявлении в ней базовых тенденций развития науки, но, с другой стороны, анализ работ показывает, что основной массив исследований опирается на положения ученых, коснувшихся важнейших смыслов проблемы в момент ее становления: Э. Эриксон, А. Ваттерман, Дж. Марсия, Х. Маркус, Дж. Мид, Х. Тэджфел и т.д. Происходит скрытая симплификация проблемы, которая осуществляется путем применения по отношению к устоявшимся идеям новых эмпирических данных и выделения на этой основе новых свойств и новых типов идентичности. Так возникают представления о «диффузной идентичности», «пограничной идентичности», «временной идентичности», «устойчивой», «множественной» и т.д. Соответственно, в рамках перманентной актуализации проблемы возникает не только многообразие типов идентичности (социальная, личностная, временная и т.д.), но, в еще большей степени, – многообразие ее характеристик. Говорят о ее становлении и развитии, о восстановлении и трансформации, об устойчивости и созидании, об идентичности в патологии и норме, о потере и обретении. Расширение проблемного поля приводит к размыванию поля предметного: постепенно становится непонятным, об одном ли феномене идентичности идет речь или о разных феноменах, отражающих структуры и функции конкретных систем человеческого бытия. Примечательно, что, каждый раз, феноменологически выявляя в идентичности то, что могло бы помочь в решении ситуативно возникающих многообразных задач, психологи, вольно или невольно, продвигаются к решению проблемы идентичности как к условию, обеспечивающему устойчивость человека в меняющемся мире.

Цель данной работы заключается в объективации тенденций развития психологии, выводящих науку к познанию оснований жизни человека в динамике, текучести и многомерности, в построении на основе выявленных тенденций системы представлений о самоидентичности как процессуально-динамическом явлении, обеспечивающем устойчивость человека в меняющемся мире.

Объект исследования: самоидентичность человека как психологический феномен.

Предмет исследования: самоидентичность как процессуально-динамическая составляющая механизма устойчивости человека в меняющемся мире.

Гипотеза исследования представлена рядом взаимосвязанных допущений:

1. Используя идеологию системной антропологической психологии, можно предположить, что самоидентичность – это не особая психическая структура, функцией которой является ответственность за устойчивость Я во времени и пространстве, и не результат, достигаемый с помощью особой структуры личности, выполняющей функцию идентификации, как это представлено во многих вариантах классического и неклассического подходов к проблеме идентичности. Самоидентичность – это непрерывно идущий

щий процесс становления идентичности, сопровождающий саморазвитие человека как присущий ему способ бытия. Саморазвитие выступает в качестве источника устойчивого существования человека во времени и пространстве, и такое определение релевантно целостному пониманию человека как открытой саморазвивающейся системы, способной порождать в этом развитии основания собственной устойчивости. Одним из таких оснований, может быть, самым существенным среди них, и является самоидентичность.

2. В связи с этим логично предположить, что бинарное мышление, разделяющее субъективные и объективные миры, внутренние и внешние детерминации, смысловые и внешние поля и т.д., является тем, что существенно затрудняет адекватную постановку и решение проблемы идентичности в психологии. Тернарное мышление, характерное для системной антропологической психологии, позволяет выйти к пониманию источников саморазвития человека как открытой (и в мир, и к самому себе) системы и объяснить, каким образом и почему человек (в его обычном бытии) не оказывается во власти неопределенности, и, прежде всего, неопределенного будущего, постоянно грозящего нарушить его идентичность, которую, в связи с этим, необходимо перманентно отслеживать и восстанавливать.

3. В качестве объяснительного понятия нами предлагается термин «транстемпоральность», указывающий на эффект «перекрытия», взаимной вложенности времен (множественности смыслов прошлого, настоящего и будущего), проявляющийся при определенной системе психологических установок. Если будущее уже присутствует в настоящем, так же, как и внешнее во внутреннем (этот постулат входит в аксиоматику системной антропологической психологии), то самоидентичность есть ни что иное, как проявление эффекта транстемпоральности: человек определенным образом подготовлен к будущему его присутствием в настоящем. Транстемпоральность выступает как процесс согласования времен. Их «симфонизация» отражает индивидуальные особенности становления идентичности в ее процессуально-динамической форме. При этом присутствие будущего в настоящем не есть некая «диффузная» абстракция: саморазвитие опирается на параметры порядка следования, которые само же и создает в виде динамических ценностно-смысловых измерений жизненного пространства человека. Поэтому проблема самоидентичности есть, прежде всего, проблема ценностно-смыслового устройства жизненного пространства человека. Транстемпоральность имеет две стороны: это не только симфонизация времен, но и синхронизация жизненных пространств в тех его секторах, в которых здесь и теперь осуществляет себя саморазвитие.

Задачи исследования:

1. Осуществить транспективный анализ процессов развития представлений о проблеме идентичности в психологии, выделяя принцип саморазвития, и рассматривая его в единстве двух сторон – как сознательную деятельность человека, направленную на возможно более полную реализацию себя, и как аспект самодвижения сложных открытых систем с присущей им способностью к саморазвитию.

2. На базе анализа тенденций развития науки сформировать общие положения процессуально-динамической теории самоидентичности человека.

3. Полагая, что экзистенциальный и феноменологический подходы составляют сердцевину неклассической психологической мысли, выявить в них признаки и показатели элементов постнеклассического мышления, проявляющихся в перестройке представлений об идентичности в процессуально-динамическом контексте.

4. Выявить тенденции перестройки экзистенциальных практик, происходящие под влиянием парадигмального сдвига и его научной рефлексии.

5. Разработать систему концептуальных построений, позволяющую проектировать терапевтическое участие в современных социальных практиках, связанных с проблемами становления идентичности. Для этого:

– выявить специфику транстемпоральных эффектов и конкретных темпоральных проявлений в становлении идентичности;

– дополнить теорию и процедуру метода феноменологического анализа транстемпоральными аспектами интерпретации опыта становления идентичности.

Положения, выносимые на защиту:

1. В научной психологии и в персональных праксисах идентификации (обыденной психологии) имеет место тенденция к перманентной актуализации проблемы идентичности (обоснованности представлений о себе), указывающая на то, что конкретные концепции понимания идентичности – это ответы или попытки ответа на вызовы современности. В силу множественности и интенсивной изменчивости вызовов, а так же дефицита понимания фундаментальных оснований для ответа порождается множество вариантов и представлений (по существу, гипотез) идентичности, множество и разнообразие которых не исчерпывает всей проблемы, то есть не позволяет в достаточной мере ответить на вопрос об устойчивости человека в меняющемся мире.

2. Как показал транспективный анализ развития научных представлений об идентичности, сущность современного состояния этой проблемы в психологии заключается в том, что она оказалась в эпицентре «перекрытия» разных парадигмальных установок. Появившись в то время, когда идентичность еще рассматривалась как форма обобщения психической динамики (Э. Эриксон, 1996, 2000), в своей адаптивной функции, т.е. *гомеостатически*, в дальнейшем она использовалась применительно к человеку уже понимаемому *гетеростатически*, т.е. как явление принципиально сверхадаптивное, нормотворческое (А.Г. Асмолов 1996, 2002; Б.С. Братусь 1997, 1999; В.П. Зинченко 1994, 1995, 1997, 2001, Д.А. Леонтьев 2003, 2005; В.А. Петровский, 1996 и др.) – на фоне еще не достаточно осмысленных в психологии представлений о *психологическом гомеорезе* (В.Е. Ключко (1991, 2005, 2008) как способе выхода к параметрам, обеспечивающим устойчивость протяженного во времени процесса изменений («самостабилизирующегося потока» – жизни как развития и развития как способа существования жизни).

3. Есть основания утверждать, что самоидентичность как раз и является основанием и условием процессов поддержания устойчивости психологической саморазвиваю-

щейся системы: именно такой системой представлен человек в системно-антропологическом подходе. Поэтому для своего решения проблема самоидентичности человека требует достаточно радикального перехода от структурно-функционального анализа к анализу процессуально-динамическому, причем, как показал опыт исследования, этот переход должен основываться не на редукционистской критике существующих теорий, а на попытке разглядеть процесс, инициируемый самим разнообразием теорий, а именно, процесс «перерождения научной ткани» в психологии (Л.С. Выготский).

4. Выход в процессуально-динамический контекст привел к следующему определению: Самоидентичность есть системная характеристика человека как открытой системы, способом существования которой является саморазвитие, заключающееся в способности человека удерживать непрерывность своего Я в потоке пространственно-временных трансформаций и проявляющее себя в критических ситуациях (в кризисах идентичности), в форме темпоральных отношений-проявлений (в виде эффектов дереализации, «сжатия времени», его «уплотнения», концентрации на одном из временных горизонтов (темпоральностей). Эти темпоральные проявления имеют большой психологический смысл: через них человек включается в действительность «переходов», узнает о нарушении процесса саморазвития как основания устойчивости своего бытия, возникновении угрожающего разрыва между образом мира и образом жизни (тюрьма, изгнание, призыв на воинскую службу, эмиграция, хоспис и т.д.) или столь же угрожающего их сближения (старость, гасящая потенциал саморазвития – «безжизненная совершенная слитность субъективной деятельности со своим миром» (Г.В. Гегель, 1956).

5. Указанные темпоральные отношения отражают качества и индивидуальные особенности транстемпоральной динамики, составляющей сердцевину механизма устойчивости человека как по отношению к меняющемуся миру, так и по отношению к трансформациям (деформациям) ценностно-смысловых измерений жизненного пространства, влекущих за собой изменение его конфигурации и содержательного состава. Нарушение транстемпоральной динамики – это нарушение готовности человека провозгласить достойное будущее, встретить его и откликнуться на его вызовы, т.е. готовности «изменить себя, не изменяя себе», и, одновременно, это потеря готовности бросить вызов прошлому, для того чтобы переоценить его и перестроить наличный опыт.

6. Внешней формой таких кризисов самоидентичности может быть вдруг возникающая интолерантность к неопределенности, способная достигать уровня неофобии, проявляющаяся как прогрессирующая ригидность, или появление многоликих «синдромов» – «хронической усталости», «эмоционального выгорания», «стресса развития», «тревожности» и т.д. Транстемпоральную динамику (диссонансы и консонансы саморазвития) можно представить в функции механизма самодиагностики открытой системы, подающей сигналы (эмоциональные, прежде всего), когда система вынужденно закрывается и саморазвитие теряет свою симфоничность под воздействием внутренних причин (болезнь, старость и т.д.) или внешних обстоятельств, часто независимых

от человека (потеря значимого другого, катастрофы, катаклизмы, остракизм, вынужденная миграция, экономический кризис и т.д.).

7. Вывод проблематики самоидентичности в процессуально-динамический контекст адекватен выходу к постнеклассическим парадигмальным установкам, но это не означает, что сложившиеся способы объяснения и понимания идентичности, а так же возникшие на их базе практики следует игнорировать, или дискриминировать. Необходимо осознать, что конкретные концепции динамики и структуры идентичности в науке и конкретные понимания идентичности в обыденности неразрывно связаны с конкретными научными и обыденными онтологиями и, при необходимости, должны быть осмыслены на более высоком уровне понимания принципов саморазвития.

Теоретическая значимость

1. Выделены тенденции в развитии проблемы идентичности в психологии, приводящие к новым психологическим реалиям, в центре которых оказывается многомерное бытие человека в многомерном мире, порождаемом им самим. Можно констатировать, что именно сегодня социальный заказ, обращенный к науке, начинает соответствовать теоретико-методологической готовности психологии ответить на него. Это соответствие наука обеспечила всем ходом своего развития, постепенно переходя от понимания идентичности как психического феномена к личностной идентичности, а теперь уже от нее – к самоидентичности как характеристике человеческого бытия, обеспечивающей устойчивость человека в меняющемся мире.

2. Междисциплинарным исследованием установлено, что во всех науках описание исторически развивающихся систем начиналось с феноменологического подхода. Это позволило показать становление экзистенциального анализа и феноменологического подхода в психологии как опережающую генерацию идеи саморазвивающейся системы применительно к человеку (подобно тому, как первичные варианты категориального аппарата саморазвивающихся систем были сгенерированы в философии задолго до того, как соответствующие структурные характеристики этих систем стали предметом конкретно-научного исследования (В.С. Степин, 2003)). Понимание сущности опережения, заложенного в феноменологическом подходе, позволило обеспечить непрерывность и преемственность перехода к концептуальным построениям процессуально-динамической теории самоидентичности.

3. Сформированы общие положения процессуально-динамической теории самоидентичности человека как основания устойчивости его бытия в меняющемся мире. Эти положения включают в себя представление о человеке как об открытой саморазвивающейся системе и опираются на новый категориальный аппарат («транстемпоральная динамика», «нарушения транстемпоральной динамики», «темпоральные проявления и отношения», «симфонизация времен» и т.д.). Данный категориальный аппарат позволяет фиксировать и раскрывать существенные стороны самоидентичности как непрерывного процесса становления, сопровождающего саморазвитие человека, в котором не только он выходит к миру, но и мир входит в человека, обуславливая социально

детерминированную пространственно-временную развертку многомерного пространства жизни.

4. Определенное теоретическое значение имеет доказанная возможность совмещения транспективного анализа с историко-эволюционным подходом (А.Г. Асмолов, 1996), предназначенным для выделения «сквозных» закономерностей развития человека в психоисторическом процессе, что позволяет объективировать пересечение двух линий развития: становление представлений об идентичности в психологии, отражающее развитие представлений о человеке как предмете психологии, и диалектику человека как психоисторического явления.

5. Показано, что на базе такого совмещения методологических средств анализа можно корректно выйти к интеграции двух параллельно существующих линий в понимании природы идентичности и, соответственно, двух параллельно существующих типов психологических объяснений. Один из которых делает упор на временных параметрах идентичности (темпоральности), связанных с развитием человека в онтогенезе, а другой предпочитает объяснения, связанные с учетом меняющихся средовых факторов.

Научная новизна

Впервые исследование самоидентичности в психологии выведено за пределы структурно-функционального ее понимания и объяснения. Раскрыты существенные характеристики и механизмы самоидентичности как процессуально-динамического явления в системно-антропологическом подходе.

Самоидентичность показана:

- как присущий открытой системе (человеку) процесс идентификации, обеспечивающий устойчивость (изменчивость и преемственность) Я в потоке перманентных трансформаций, обусловленных саморазвитием системы;

- как особый вариант внутренней диагностики «самобытия», в лице которого безграничное физическое пространство-время выступает в конкретной (индивидуальной) форме пространственно-временной развертки многомерного жизненного мира человека;

- как проявление эффекта транстемпоральности, включающего в себя готовность встречи человека с будущим, которое в определенной мере уже присутствует в настоящем и заявляет о себе смыслами и ценностями, конституирующими факт соответствия определенных секторов жизненного мира человека его потребностям и возможностям в точках объективации направления саморазвития системы;

- как совокупность темпоральных проявлений, возникающих в результате критических трансформаций жизненного мира, сигнализирующих человеку о возможной (или реально существующей) деформации (потери) идентичности;

- как механизм обеспечения устойчивости человека в пространстве не зависящих от него внешних и внутренних возмущений, а также на стадиях переходов в различные режимы самоосуществления, например от репродуктивно-адаптивного к продуктивно-сверхадаптивному (Э.В. Галажинский, 2002).

Выход в новое концептуальное пространство позволил расширить методическую базу феноменологического метода в психологии, а именно:

- метод феноменологической интерпретации, за счет введения в него трансвременных отношений, позволил объединить различные источники получения данных (рефлексивные описания, саморефлексия исследователя, общекультурные тексты, творческие продукты) в одну систему;

- благодаря введению трансвременности как характеристики процессов саморазвития психологических систем стало возможно объединение методов экзистенциального, культурно-исторического и системно-исторического анализа, что, в свою очередь, позволило заменить ориентацию на получение списка тем структурного описания описанием самобытия в тенденциях его становления, представленных в категориях конкретного опыта (опыта интенциональной синхронизации времен).

Практическая значимость

Исследование самоидентичности как условия устойчивости человека сформировало теоретико-методологическую готовность ответить на социальный заказ, обращенный к современной практической психологии: способствовать обеспечению устойчивости развития человека в меняющемся мире. Процессуально-динамическая теория идентичности используется в практиках современной психотерапии и социотерапии, направленных на решение проблем мотивации к инновационной деятельности.

Выделение «сквозных» закономерностей развития человека в психоисторическом процессе позволило разработать практики помощи в процессах становления идентичности: современные формы наставничества и тренерства, направленные на решение проблем мотивации к лидерству и предпринимательской деятельности.

Совмещение методологических средств анализа временных (многомерность времен) и онтологических (многомерность миров) характеристик самоидентичности позволило сформировать современные консалтинговые практики, направленные на создание систем принятия ответственности и управления новыми видами рисков (рисков становления идентичности, или образовательными рисками) в проектировании и управлении.

Усовершенствованный метод феноменологического анализа позволяет применять его в системе обучения психологов, в частности, при обучении этапам описания феноменального поля, практикам интуитивирования и интерпретирования опыта.

Методы:

- Системно-антропологический анализ (А.А. Асмолов, 1996) (анализ присущих человеку способов бытия).

- Транспективный анализ (В.Е. Клочко, 2005) (анализ тенденций развития и становления психологии).

- Метапсихологический анализ (И. Гарбер, 2006) (анализ психологических подходов).

- Экзистенциальный анализ (Р. Кочюнас, 1996, 1999, 2000) (анализ практик психологической помощи).

Теоретические и методологические основания

Комплекс системно-антропологических подходов, позволяющих обнаруживать структуру процессов саморазвития человека как сложной открытой системы. Среди них:

- историко-эволюционный подход и концепция построения коммуникативных миров (А.А. Асмолов, 1996);
- теория психологических систем и транспективный анализ (В.Е. Клочко, 2005);
- феноменологический подход и концепции построения онтологии жизненного мира (С. Кьеркегор, 1993, 1997, 1998; М. Мерло-Понти, 1996, 1997; М. Мамардашвили, 1968, 1984, 1992, 2000, 2005; Н.А. Бердяев, 1995; Л.И. Шестов, 2004; Э. Левинас, 2000; Н.О. Лосский, 1995; С.Л. Франк, 1997, 2004; М. Хайдеггер, 1989, 1993; А. Камю, 2000 и др.);
- экзистенциально-диалогический подход (О. Розеншток-Хюсси, 1999, 2000, 2002);
- экзистенциальная терапия в группах (Р. Кочюнас, 1998) и концепция Интенсивной Терапевтической Жизни (А. Алексейчик, 2008).

Апробация результатов исследования

Основные результаты и идеи диссертации докладывались и обсуждались на международных конференциях:

- «Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии» (Литва, г. Бирштонас, 2002, 2004);
 - «Проблема смысла в науках о человеке» (Россия, Москва, 2005).
- Всероссийских:
- 2-й Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии (Москва, 2004);
 - "Психолог в образовании: методологические и методические проблемы" (Томск, 5-7 октября 2005 г.);
 - Всероссийской конференции "Традиционные и инновационные процессы в образовании: исследовательское сопровождение и поддержка изменений в образовании, науке и обществе" (Томск, 4-6 ноября 2004 гг.);
 - II-ом Сибирском психологическом форуме «Психологическое исследование: теория, методология, практика» (Томск, 30.11-01.12 2007г.);
 - на Всероссийской теоретико-практической конференции «Феноменология потребностей современного человека» (Кемерово, 26 — 29 марта 2009г.).

По теме диссертации опубликовано 28 научных работ общим объемом 62,19 печатных листов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, сформулированы цели, задачи, гипотезы, предмет, объект, методы, теоретическая и методологическая база исследования,

представлены новизна и значимость результатов, содержание понятий, требующих уточнения.

В главе 1 «Системно-антропологический ракурс изучения проблемы идентичности» представлен общий системно-исторический анализ изучения идентичности, показан характер современной проблематики, состоящий в ограничениях, накладываемых тенденцией структурно-функционального понимания идентичности как адаптивной схемы, когнитивной структуры, инструмента развития, структуры становления и регуляции личности. Отмечается, что иное понимание идентичности — как условия и свидетельства динамики саморазвития человека, открытой саморазвивающейся системы — является более продуктивным и обеспечивающим преемственность с ходом развития науки и человечества. Общий анализ проблемы идентичности, проведенный в данной главе, позволяет нам утверждать, что современное (актуальное) понимание идентичности – это не структурное, а процессуальное ее понимание. *Не становление, трансформация, формирование и пр., идентичности обеспечивает устойчивость человеческого бытия в мире, а сама динамика человека как саморазвивающейся системы, имеющей пространственно-временную организацию, обеспечивает устойчивость пространства и времени. Сама динамика саморазвития через идентификацию позволяет человеку удерживать целостность себя в растущем многообразии и многомерности пространств жизни.*

Транссективный анализ развития научной психологии на материале теорий личности, психотерапевтических концепций и методологических подходов позволяет выделить базовые тенденции понимания как проблем психологии в целом, так и проблемы идентичности личности, в частности. На данный момент нами выделено четыре таких базовых тенденции:

1. Тенденция к перманентной актуализации проблемы идентичности личности.
2. Тенденция к преодолению бинарного мышления.
3. Тенденция понимания проблемы идентичности в транстемпоральной динамике.
4. Тенденция к процессуальному пониманию идентичности.

Основательное изменение взглядов на природу самоидентичности обусловлено обстоятельствами развития общества. Современное общество, переживая эпоху социальных изменений, вступает в такой этап развития, который во многих отношениях можно определить как инновационный (инновации являются главным продуктом и средством общественного производства, пересматриваются парадигмальные основания наук, изменяются границы и степень ответственности человека, коренным образом преобразуется жизненная среда). Признаками инновационного этапа являются достаточно резкие и частые изменения, происходящие в различных сферах человеческого бытия, включая, конечно, и психологию. Эти изменения качественно расширяют горизонт свобод и возможностей, предъявляют новые вызовы, к которым часто человек оказывается личностно не готов. Особенно интенсивно изменяется область отношений и миропроектов, причем фундаментальных отношений (отношение человека к самому себе и к тому, что составляет его жизненный мир) и фундаментальных миропроектов

(жизненные транспекты, измерения самоидентичности). Для демонстрации масштаба изменений достаточно вспомнить эпохальные утверждения о смерти Бога (Ф. Ницше, 2000), открывшие значимость субъекта, и о смерти субъекта (Р. Барт), открывшие эпоху инноваций, а так же отметить метафоричность этих «сильных», значимых и «точных» в определенном роде утверждений (История философии: Энциклопедия, 2002).

В эпоху социальных изменений иначе выглядит диалектика и метафизика человеческой индивидуальности. В некоторых сферах деятельности представления об индивидуальности настолько трансформируются, что иногда происходит полная потеря ясности понимания границ между субъектом и объектом, индивидуальным и социальным, воспринимаемым и создаваемым. *Эпоха социальных изменений характеризуется тем, что изменение перестает быть обстоятельством или атрибутом ситуации (то есть изменения перестают «происходить»), а становятся продуктом психологической (субъективной) жизни (ожиданиями, выборами, проектами).* В эпоху изменений расширяются горизонты и умножаются степени личной ответственности человека, возрастает интенсивность процессов идентификации и значимость базовой формы ответственности — становления идентичности. Об этом говорит растущий интерес к проблематике идентичности специалистов самых разных областей знания и тенденция объяснения проблемных ситуаций через описание новообразующихся идентичностей (П. Штомпка, 2006). Современный человек не просто оказывается нетождествен самому себе, будучи захвачен потоком бытия, но должен становиться нетождественным самому себе под свою персональную ответственность. В таких обстоятельствах возникают особые виды рисков, обусловленные не только опасностью потери идентичности, но и опасностью формирования иллюзорной, выдуманной идентичности. Поиск идентичности должен быть дополнен культурой жизненного самоосуществления человека.

В эпоху изменений наука выходит к пониманию особого типа предметов – открытых, саморазвивающихся систем (В.С. Степин, 2003). Одной из базовых характеристик таких систем является пространственно-временная структура идентичности (архитектоника идентичности). Открытые саморазвивающиеся системы отличаются особым типом динамики, не просто нелинейной, но специфически несимметричной, тенденциональной динамики открытости (В.И. Аршинов, 2002; Г. Хакен, 1991; У. Матурана, Ф. Варела, 2001), и именно, поэтому идентичность является основной динамической характеристикой таких систем. Идентичность человека как открытой саморазвивающейся системы из теоретического конструкта, использующегося в качестве базовой схемы для идентификации себя в мире, в эпоху социальных изменений превращается в фундаментальное отношение и форму миропроекта (транспект ситуации), в психологическое условие стабильности и устойчивости человека, в форму воспроизводства и становления человеческого в мире (В.Е. Клочко, 1996, 1999).

Кроме того, в эпоху социальных изменений, индивидуальное и социальное сознание быстро достигает концептуальных границ самореализации и устремляется к горизонтам возможностей (это переживается как стремительное устаревание всего, в том числе и атрибутов идентичности, что определяет современную методологию психоло-

гических практик, практик открытости усложняющейся реальности самоорганизующихся, антропокосмических систем (И.Р. Пригожин, 2003; В.С. Степин, 2003; В.И. Аршинов, 2002; В.Г. Буданов, 1996; М.М. Эпштейн, 2003). *Открытость горизонтов субъективности и изменение представлений о метафизической структуре социальных изменений делает актуальным (то есть важным и доступным) изучение становления идентичности как фундаментального отношения (интенциональной открытости) и преодоления теоретических ограничений, связанных с пониманием идентичности как когнитивной структуры, репрезентации, схемы самосознания и идентичности как определенности ценностно-смысловой позиции человека (В.В. Знаков, 2005).*

В инновационном обществе не просто трансформируются некоторые качества, задающие общие параметры жизненной среды и социального пространства, эмпирически представляемые такими характеристиками, как капитал, энергия, блага, ресурсы, производственные средства, информация и т.д., но образуется новое качество жизни, требующее смены мышления, формируя новые уровни и порядки сложности самоорганизации и саморегуляции психологических систем, уровни многомерности сознания (В.Е. Ключко, 2003). Социальные изменения, часто революционные по своей сущности, но происходящие «обыденно», без видимых жертв, трансформируют структурные параметры жизненных миров, их содержательное, ценностно-смысловое наполнение, создавая дефицит коммуникабельности (В.И. Кабрин, 1992, 2005), делают людей «разновременниками» (О. Розеншток-Хюсси, 1999). В эпоху социальных изменений вынужденно перестраивается сложившаяся система коммуникаций, посредством которой социальное пространство человеческого бытия трансформируется в ментальное пространство человека, сообразное с его уникальным представлением о себе (образ Я), о мире (образ мира) и тем, что он делает в этом мире (образ жизни), в совокупности определяющими то, что в психологии принято называть Я-концепцией или идентичностью (П. Бергер, 1995; П. Штомпка, 1996; С. Московичи, 1984, 1998; М. Эпштейн, 2003). *Человек, живущий в эпоху социальных изменений, – это человек, ищущий опору, основание для самоопределения между потоком бытия и собственной отстраненностью, психологической дистанцированностью от этого потока.* Заметим, что в прежние эпохи, научные подходы строились по принципу выбора одного из этих онтологических положений в качестве базового (В.В. Знаков, 2005). Так, предполагалось, что для обретения идентичности человек должен погрузиться в поток бытия, или наоборот, дистанцироваться от этого потока (К. Обуховский, 2003). Сегодня необходимо выйти на более высокий уровень понимания симфонической природы идентичности.

Постановка вопроса об основаниях устойчивости человеческого бытия в мире – относительно новый поворот в психологии идентичности. Ранее проблемной выглядела сама идентичность, ее особенности и формы. И для решения проблем идентичности было необходимо осуществлять ее структурно-функциональный анализ, что и делалось в многократных формах и вариантах. Сегодня вызовы действительности требуют пересмотра не только характеристик идентичности, но и пересмотра теоретической основы понимания идентичности. Для этого требуются новые методологические ходы. Про-

блема понимания оснований устойчивости человека в мире в свете эмпирических фактов, открытых в современную эпоху, не решается на уровне классических дихотомий между Материей и Духом, первоначальных неклассических представлений о психологической устойчивости человека как системы, способной к саморегуляции своих психических состояний. Не решается она и на уровне дихотомий между человеческим Я и миром, выражающихся, в частности, в дихотомии психологического гомеостаза и гетеростаза. Необходима постановка проблемы становления идентичности. *Становление идентичности – это проблема того, каким образом современный человек обеспечивает устойчивость своего бытия в многомерном мире как в содержательном, так и в динамическом аспекте, сохраняет целостность, полноту собственного Я, свою самость, изменяется, не изменяя себе, не теряя мира.* Как человек становится и остается современным человеком. Становление идентичности в эпоху социальных изменений представляет собой особый модус развития человека, обеспечивающий аутентичность экзистенции, принцип и механизм, обеспечивающий поступательное развитие человеческого бытия в контексте социальных изменений (С. Кьеркегор, 1993; К. Ясперс, 1994; М. Мерло-Понти, 1999; Л. Бинсвангер, 1999; М. Босс, 2009).

Проблематика становления идентичности возникает на фоне неестественности (иногда сверхъестественности) уровня интенсивности и динамичности индивидуального существования современного человека, на фоне того, что социокультурные и экономические трансформации социального пространства происходят сегодня настолько быстро и необратимо, что повсеместно складываются ситуации потери идентичности – разрыва между новыми реалиями и сложившегося под влиянием коммуникативно-опосредованных воздействий культуры системой представлений человека о себе, способов понимания и оценки себя, умонастроений, включая «неявные установки мысли, ценностные ориентации, автоматизмы и навыки сознания» (А.Я. Гуревич, 1993).

В инновационном обществе интенсивно изменяются смыслы коммуникативных ситуаций не только небольших масштабов (характеризующихся сравнительно малой длительностью), но и больших, даже великих масштабов, ситуаций, длительность которых превышает и отдельную человеческую жизнь, а также представления человека о времени. Коммуникация в инновационном обществе требует ответственности не только за практики потребления (в психологии уровень анализа потребностей, целеполагания и решения проблем), но и за «практики себя» (С.С. Хоружий, 1999), за проектирование и управление рисками (уровень интерпретации ценностей, тенденциональности мышления, проективности сознания, рациональной веры) (У. Бек, 2000; Э. Фромм, 1992; М. Мамардашвили, 1968).

Эпоха социальных изменений создается постоянным появлением новых видов рисков, часть которых обретают свою форму в психологических явлениях. Среди них важное место занимают образовательные риски или риски становления идентичности – специфические риски, связанные с практиками становления и восстановления личностной целостности, личностного потенциала, личностной компетенции в захваченности потоком бытия и потоком изменений.

В частности, имеет место проблема особого вида психической ригидности, обусловленной погружением в процесс «хронического становления кем-то» при недостаточной способности «быть кем-то» вовремя, приводящая к неспособности человека адекватно отвечать на вызовы и парадоксы действительности. Проблема избыточной устойчивости Я-концепций, которые в ситуации изменений становятся Я-иллюзиями (то есть феноменологически не отрефлексированными и динамически не освоенными формами опыта) в значительной мере обуславливает нерезультативность, неубедительность, неэффективность психологических и социальных практик (Г.В. Залевский, 2002, 2003, 2004; Э.В. Галажинский, 2002), трудности в достижении успешной карьеры. Для решения проблем становления идентичности и соответствующего вида психической ригидности необходимо решить ряд методологических задач, в частности, уточнить и усовершенствовать методы феноменологического анализа, понимания и интерпретации опыта становления идентичности, овладеть «психологией понимания» (В.В. Знаков, 2007).

Эпоха научно-технических, клерикальных, политических и культурных революций, создавшая и продолжающая создавать социально-психологический ландшафт современного мира (мира постмодернизма, пострелигиозности, постнеклассической науки, и даже постчеловечности), открывает новые возможности и предъявляет новые требования, возникающие в процессе пересмотра представлений и подходов изучения психологии личности, коммуникации, социального познания, идентичности (Garfinkel, 1982; Gergen, 1997; Harre, 1989; Henwood, 2003). В психологических исследованиях становления и поведения человека в центре внимания оказываются социальные практики (К. Левин, 2000, 2001), каналные факторы и субъективная интерпретация (Л. Росс, Р. Ниссбетт, 2000), нарративы (Т. Сарбин, 2004; Дж. Брунер, 1977 и др.), принципы системной детерминации (В.Е. Ключко, 1999; Э.В. Галажинский, 2002), самоорганизация, синергетические основания процессов психологического гомеореа. На «высоких скоростях» самоорганизации психологических систем эмпирический опыт, являющийся основанием для рационального понимания проблемных ситуаций, должен систематически дополняться опытом экзистенциальным, то есть опытом решений, выраженным в самоописаниях, в понятиях и терминах становления идентичности человека. В эпоху социальных изменений не только экзистенциальный опыт требует рационального подтверждения, как это было раньше, но и объективный рационально обоснованный опыт требует подтверждения опытом экзистенциальным (В.В. Знаков, 2007). Сегодня важно, что бы и в научном поиске экзистенциальный опыт перестал казаться нам факультативным и сверхрациональным и занял свое место в исследованиях и практике наряду с эмпирическим опытом. То есть должны быть концептуально признаны новые типы рациональности, соответствующие процессам становления человеческого в человеке, в мире, в природе.

Особую актуальность проблема устойчивости человека (становления идентичности) приобретает для сферы современных практик. Многие практические системы, начинаясь в различных областях деятельности (образование, управление, политика, охра-

на среды, психологическая помощь и др.), приходят к проблеме необходимости системного изменения мышления в процессе достижения желаемых состояний, как отдельных личностей, так и больших социальных групп. Идентичность в эпоху социальных изменений становится необходимым условием воспроизводства возможностей и принятия ответственности, а становление идентичности – базовым отношением (сущностью) практик понимания.

Проблема идентичности в определенном смысле была и будет актуальна всегда, но представление об онтологии идентичности неизбежно меняется в связи с новой эпохой. Если раньше человек, захваченный потоком бытия, должен был меняться в соответствии с тем, как меняется среда, но сохранять или созидать ценности и смыслы жизни, то есть адаптироваться, восстанавливаться, то сегодня человеку необходимо меняться в соответствии с тем, как меняются его и других людей личные и социальные планы на среднее и ближайшее будущее, то есть становиться более ответственным существом. Сегодня не достаточно прикладывать много сил в практиках улучшения и развития себя (то есть иметь много средств, много знать). Сегодня необходимы как интенсивные практики становления себя – погружения в поток бытия (определения ценностно-смысловой позиции), так и способность своевременно дистанцироваться от потока бытия – изменить уровень мышления. Что бы быть современным, человеку надо верить не только в свой выбор, но и в свой мир, что благодаря интенсивности изменений становится все более проблематично (о необходимости веры в себя сегодня вообще неприлично говорить, эту сферу давно приватизировали газеты и популярные издания). *Становление идентичности сегодня уже не является средством адаптации или развития, а становится условием современности человека, условием существования, онтологическим основанием и экзистенциальным отношением.*

Как предмет психологических исследований проблема идентичности была актуальна и в эпоху периодической социальной стабильности, и в эпоху периодических социальных изменений (Э. Эриксон, 2000). Но сегодня, когда изменение жизненного мира становится специфически «постоянным» самостоятельным измерением социальной действительности, необходима адекватная (в некоторых случаях институализированная) система помощи в становлении идентичности, так называемая социотерапия, и даже точнее – экзистенциальная социотерапия (О.В. Лукьянов, 2003).

В главе 2 «Степень разработанности и история проблемы становления идентичности» обоснована историческая необходимость придания идентичности статуса онтологического основания человеческого бытия. Осуществлен метапсихологический анализ психологии идентичности. Показано, что в авторитетных теориях прошлого столетия идентичность понималась преимущественно предметно, как продукт и форма психического отражения действительности, схема самосознания, результат рефлексии, форма репрезентации подсознательных процессов, средство сохранения устойчивости, структура опосредования сущности и поведения (Л.Б. Шнейдер, 2004, 2007; Г.Л. Тульчинский, 2002). Проблема становления идентичности была поставлена в связи с явлением кризиса идентичности, ставшим характерным для человека второй половины XX

столетия (Г.М. Андреева, 1999, 2000, 2001; Т.М. Буякас, 2007; А.В. Кузьмин, М.В. Заковоротная, 2002; П.С. Гуревич, 1999, 2001; А. Тоффлер, 2002). Эта проблема виделась в том, что развитие личности стало связываться с прохождением специфических этапов, в процессе которых человек находит себя и результатом которых является формирование идентичности. Проблематичным развитие личности в эту эпоху делали революции, происходящие в техническом, культурном, социальном и др. отношениях.

На основании проведенного нами исследования мы показываем, что в эпоху изменений (иначе называемую постреволюционной) становление идентичности уже не является процессом преодоления кризисов, а является одновременно и элементом повседневности, и элементом онтогенеза, и элементом филогенеза человека (А.А. Брудный, 1996; В.Е. Ключко, 1998, 2004). То есть становление идентичности теперь должно пониматься в динамике самоорганизации, а не только в динамике адаптации к изменениям.

Идентичность вообще и становление идентичности в особенности как психологические феномены имеют обширные «окрестности», решительным образом определяющие смыслы и структуры психологических практик. Нами были выделены следующие тенденции в описании феноменального поля становления идентичности:

1. Становление идентичности – процесс отождествления-разотождествления субъекта с самим собой, с опытом, с реальностью (Б. Шефер, Б. Шледер, 1993; Г. Бэйтсон, 2000).

2. Становление идентичности – процесс узнавания и иерархизации себя (К. Юнг, 1996; Р. Ассаджиоли, 1994; Д. Келли, 2000).

3. Становление идентичности – процесс социализации, идентификации со значимым другим и обособленности, дистанцированности от значимого другого (Д. Марлоу, К. Герген, 1995; Э. Дюркгейм, 1995, 1998; С. Московичи, 1984; Ш. Тейлор, 2004; К. Обуховский, 2003).

4. Становление идентичности – процесс достижения постоянства, устойчивости личности во времени и качественного изменения, возникновения нового уровня организации, нового порядка, объективной идентичности (Ж. Пиаже, 1998; А. Адлер, 1998).

Динамика становления идентичности достаточно серьезно представлена в работах антропологически ориентированных мыслителей (С.С. Хоружий, 2006; Л.С. Выготский, 1982; М. Хайдеггер, 1989; Н.А. Бердяев, 1995; Н.О. Лосский, 1995; М. Мерло-Понти, 1997; Э. Фромм, 1992; Э. Левинас, 2000; С.Л. Рубинштейн, 2000; О.П. Тихомиров, 2002; В.И. Слободчиков, 2005; П.А. Мясоед, 2004; Э. Эриксон, 2000; Д. Марсиа, 1980; Д. Мид, 1934; К. Роджерс, 1994; Н. Маркус, 1984; А. Маслоу, 1999; К. Герген, 1995; С. Московичи, 1998; Г. Бейтсон, 2000 и др.). Важно отметить тенденции главных интуиций мыслителей антропологической ориентации. При всем разнообразии их взглядов и интересов для антропологической ориентации характерна тенденция понимания границ идентичности как границ ответственности, свободы, открытости. Именно эта тенденция, по нашему мнению, требует продолжения и имеет свое развитие в нашей работе.

Кроме того, во второй главе рассмотрены концептуальные и методические вопросы связи становления идентичности с феноменологическим методом, психологическими практиками и психологией человеческого бытия. Представлен обзор подходов и концепций, предложенных в качестве решения проблем становления идентичности. Рассмотрено родство трех концептуальных традиций – теорий личности, теорий коммуникации и феноменологического подхода, объединенных проблемой становления идентичности. Предлагаются дополнения к психологическим методам изучения рисков становления идентичности.

В главе 3. «Методология изучения хромотопических характеристик идентичности» показано, что в нашу эпоху необходимо рассмотреть не просто структуру и содержание идентичности, но структуру и содержание процесса становления идентичности как условия устойчивости человека в усложнении его самоорганизации, в становлении человеческого в человеке (Б.С. Братусь, 1997, 1999). Этот вектор исследования присутствует в традиции культурно-исторического подхода. В частности, в отечественной и зарубежной литературе в качестве важного аспекта изучения идентичности традиционно выступает проблема «невидимости» человека в действительности его возможностей. На это указывал Л.С. Выготский: «Осуществившееся поведение есть ничтожная доля возможного. Человек всякую минуту полон неосуществившихся возможностей. Эти неосуществившиеся возможности нашего поведения ... есть совершеннейшая реальность, такая же, как и восторжествовавшие реакции» (Цит. по: Левитин К., 1997, с. 81).

Ситуация социальных изменений придает идентичности статус онтологического основания – не только изменений фактических, но и изменений гипотетических структур, ожиданий, обещаний (обетований), проективных характеристик человека и жизненного мира.

В исторические периоды, которые психологически идентифицируются со значимыми событиями, идентичность человека может быть представлена соответствием некоторых фактов. Так, исследователи XX века определяли идентичность как динамику новоприобретений и потерь, наполняющих жизнь человека (например, говорили: «представители довоенного поколения», «человек советский», «новые русские» и пр.). Но эпоха социальных изменений бросает новый вызов: человек вынужден идентифицироваться не с событиями в прошлом, а с изменениями в настоящем и с рисками будущего (например, «успевший», «выигравший», «устоявший»). Успешность в эпоху изменений – это практически точное выражение императива нашего «духа времени», толкающего человека становиться риском, как для себя, так и для других. В этой связи в психологии возникает ряд перспектив, определяющих проблемное поле исследований не только в смысловом, но и в смысложизненном масштабе (В. Франкл, 1990, 1997, 1999, 2004; Д.А. Леонтьев, 2003).

В главе **«Методология изучения хромотопических характеристик идентичности»** осуществлен анализ смыслов феномена социальных изменений. Указывается, что в современной психологии представление о социальном изменении превращается из

функциональной характеристики и состояния социального объекта в характеристику ситуации становления психологических систем (В.Е. Ключко, 2005).

В социологии и психологии проблематика социальных изменений изучается уже несколько веков. Сам термин "социальные изменения" был введен в XIX веке. Он встречается в работах многих известных социологов и экономистов. Традиционно с проблематикой социальных изменений связывались вопросы развития общества, дифференциации его ролевой структуры, формирования единой системы ценностей и норм, возникновения социальных стереотипов и идентичности, а также деятельности личности в меняющихся условиях. Существенные различия в современной трактовке этого понятия обусловлены парадигмальным сдвигом, который переживает наука нашей эпохи. Взгляд на жизнь человека как на процесс пребывания субъекта среди объектов (классическая рациональность), процесс развития субъектом способов познания и освоения мира (неклассическая рациональность) или транссубъективный процесс становления человеческого в природе, мире, человеке (постнеклассическая рациональность) определяют и трактовку социальных изменений как процессов эволюции, революции, регенерации (детерминации, самодетерминации, самотрансценденции).

В современной литературе за пониманием проблем социальных изменений могут стоять различные типы рациональности. В зависимости от типа рациональности (духа времени), подчиняющего ученого, определяется предмет и методы психологии социальных изменений, происходит переориентация взглядов на историю изучения социальных объектов.

В современном поле научных исследований одновременно существуют три типа методологических представлений о принципах изучения социальных изменений.

Методология классических представлений о человеке предлагает приоритет поиска фундаментальных знаний – знаний об объектах – и опирается на принцип тотальности мироустройства, принцип восхождения от абстрактного к конкретному, примат стремления сводить индивидуальное к социальному, концепцию всесторонне развитой гармоничной личности, монополию на истину («истина одна, а заблуждений много») (В.Г. Федотова, 2001). Классическая психология, соответственно, строится в виде концепций, объясняющих механизмы репрезентации социальных изменений.

Неклассическая методология опирается не на знание об объекте, а в большей степени на способ познания, эффективность деятельности, указывая на:

- 1) невозможность принимать теоретические конструкторы за реальность и жить в соответствии с ними;
- 2) плюрализм концепций как способ обеспечения разных типов или аспектов деятельности.

Согласно неклассическим представлениям, социальные изменения диктуют необходимость гибкости и своевременности перехода от одного уровня интерпретации к другому для обеспечения соответствия интересу, необходимости, успеху. Большой акцент делается на функциональных аспектах психологии, но репрезентативность ситуации социальных изменений по-прежнему остается главным предметом изучения. Со-

гласно представлениям неклассической психологии, смысл результата уже заложен в методе, поэтому метод изменения характеристик социального объекта и является предметом изучения.

Постнеклассическая методология, критикуя фундаментальное знание, указывает на реальность языка и времени как единственную реальность, позволяющую понимать процесс превращения первичного опыта в систему познания, и предлагает рассматривать психологию социальных изменений как историю самоповествования личностей, указывает на перформансность психологии социальных изменений.

Считается, что социальные изменения вызывают или могут вызывать процессы, затрагивающие систему представлений, убеждений, верований и ценностей как индивида, так и общества в целом, приводят к неизбежности пересмотра и переоценки систем базовых убеждений и ценностей, сложившихся за период существования данного общества и личности, что не может быть безболезненным как для отдельного человека, так и для социума. Социальные изменения стимулируют процессы обновления и трансформации социальных представлений, а также нормативно-ценностных систем каждой социальной группы, причем речь идет как о малых, так и о больших социальных общностях. Происходит трансформация иерархии потребностей: потребности более низкого порядка могут становиться ведущими, от стремления к самоактуализации и самореализации людям приходится обращаться к потребностям в безопасности и физиологическим потребностям. Такие перемены не могут проходить без тяжелых эмоциональных переживаний, без ощущения потери смысла жизни (Э. Аронсон, 2003, А. Маслоу, 1999).

В ряде исследований затрагивается вопрос о факторах, инициирующих социальные изменения, направляющих ход и определяющих особенности их влияния на различные сферы общественной жизни (Э. Тоффлер, 2002). В числе таких факторов называются следующие: технологический прогресс, коренное изменение способов производства и потребления товаров, миграция населения из сельской местности в города, перераспределение рабочей силы за счет вовлечения в производственный процесс новых социальных групп, проводимые правительством реформы, смена партийной системы, внешняя угроза, воздействие элит (М. Вебер, 2003).

В конечном итоге психология социальных изменений сводится к изучению изменений социального поведения и изменению взглядов на социальное поведение. Такое направление социальной психологии, как ситуационизм (Л. Росс, Р. Нисбетт, 2000), показало, что «в разных условиях, разные люди ведут себя по-разному», и нам следует признать, что мы не можем точно предсказать поведение людей в ситуациях изменений, а можем лишь улучшать способы понимания ситуационных факторов.

Прогностичность психологического знания в эпоху социальных изменений коренным образом зависит от степени понимания идентичности человека. Этот вывод заставляет смириться с недостаточностью психологических объяснений человеческого поведения в теоретическом и концептуальном отношении, но позволяет обратить вни-

мание на полезность психологических объяснений для решения конкретных практических задач, задач понимания конкретных случаев становления идентичности.

Это, кроме всего прочего, заставляет обратиться к изучению социальных практик в их многообразии и динамике, что было сделано сторонниками феноменологического подхода, в частности, Г. Гарфинкелем (2007). Ситуация социальных изменений способствует появлению новых социальных практик, которые часто становятся психологически понятны уже после того, как станут своего рода нормой поведения. Так, мы можем видеть, что понимание такой социальной практики, как строительство семьи, настолько интенсивно трансформируется, что исследователи едва успевают выделять все новые типы семьи и создавать классификации, которые стремительно устаревают. Изменяются и биологические, и экономические, и психологические аспекты понимания социальных практик.

В связи с развитием и увеличением многообразия социальных практик изучение поведения человека в ситуации социальных изменений требует своевременного описания психологических явлений на языке опыта. Последние десятилетия большой интерес вызывает феноменология переживания (Р. Лэнг, 2005, Ф. Василук, 1984). Поведение в этом случае интерпретируется как функция от переживания, при этом функция может быть разного порядка: поведение, детерминированное переживанием, может быть средством, целью, ценностью, символом, фикцией и т.д. становления идентичности. Согласно феноменологическому подходу, в каждом случае необходимо понять смысл переживания и структуру того, как человек осознает и объясняет свои переживания. Именно такое понимание позволяет адекватно интерпретировать и его поведение. Смыслы переживаний в ситуации изменений выступают как качества идентичности (А.М. Улановский, 2007).

Хронотопическая структура становления идентичности изучается преимущественно в русле двух подходов: системного и феноменологического. В научных дискуссиях при всем многообразии возможностей доминирует системный подход. С точки зрения системного анализа, идентичность есть система самореференции человека в ситуации (Л.Б. Шнайдер, 2004). Рассматривая идентичность в системе некоторых факторов, ученые приходят к формам системного описания выражают свой взгляд системой формул:

$Я + \text{Мое} = \text{const}$ – выражает психологический смысл идентичности;

$Я + \text{Мое} = 0$ – утрата идентичности (мазохизм);

$Я + \text{Мое} = \infty$ – утрата идентичности (эгоцентризм);

$Я + \text{Мое} \neq \text{const}$ – утрата идентичности (безумие).

«Таким образом, определяем идентичность как самореферентность (лат. *Referre* – сообщать), сообщение, на основе ощущения и осознания уникальности своего бытия и неповторимости личностных свойств, самому себе о том, кто Я и что является Моим, при наличии своей принадлежности социальной реальности в форме конкретных жизненных ситуаций» (Л.Б. Шнайдер, 2004, с. 101).

Но в вариантах описания идентичности как самореферентности выделяется статическая структура предмета и остается скрытой внутренняя динамика процесса станов-

ления идентичности и, тем более, праксиса становления идентичности. При таком подходе теряется одно из главных преимуществ системного подхода – его релевантность по отношению к эмерджентным свойствам системы. А в случае становления идентичности в эпоху социальных изменений эмерджентным свойством системы является как раз становление идентичности, темпоральная – возможная, временная идентичность, обеспечивающая не константность, а тенденцию саморазвития.

Мы предлагаем следующую формулу понимания идентичности, тернарную конструкцию:

Я = уникальность + устойчивость,

соответственно:

уникальность = Я – устойчивость,

устойчивость = Я – уникальность.

Из этого видно, что Я, то есть идентичность, является условием, а не функцией, выражением фундаментального динамического основания человека как личности, так как без идентичности одновременность устойчивости и уникальности невозможна.

(При этом следует понимать, что речь не идет о простой сумме частей, а имеет место системная самоорганизация. Более точным выражением было бы такое: Я есть дочь Уникальности и Устойчивости, соответственно; Уникальность есть партнер Устойчивости, а Я есть их совместный проект и пр. Но возможны различные базовые варианты отношений, например, Уникальность – дочь Я и внука Устойчивости и др.)

При всей привлекательности моделей, построенных посредством системного анализа, следует заметить, что они создают больше вопросов, чем дают ответов о существовании и проблеме идентичности. В приведенном примере незамеченным остается проблема согласованности реализации возможностей самоорганизации и самоопределения. Это связано с тем, что идентичность является не только самореференцией, но и ответственностью. То есть имеет место динамика усложнения именно процессов согласования психологических праксисов, а не только систематизация фактов, результатов.

Понимание аспектов идентичности, не раскрытых посредством системного анализа, осуществляется феноменологическим анализом. В частности, феноменологический анализ позволяет сформулировать гипотезы о временной согласованности и практике становления идентичности.

Когда мир вокруг изменяется, нельзя оставаться самим собой, не участвуя в этом процессе (Э. Эриксон, 2000). В устойчивые периоды социальной определенности человек обязан следовать императиву: «становись тем, кем должен стать, и будешь собой». В ситуации изменений к нему добавляется и противоположный императив: «Будь собой в начале, в середине и в конце и будешь становиться собой». Этим императивам нельзя следовать одновременно, но сказать, что они последовательны и логичны также нельзя. Скорее оба императива представляют собой жизненный парадокс, решение которого есть ответственность и свобода (Р. Кочюнас, 2000).

Понятие «становление идентичности», обозначающее устойчивость личности в потоке изменений, принадлежит к тезаурусу неклассической методологии. В ситуации

социальных изменений индивид не может быть идентичным самому себе во времени вне социального познания, без определенных усилий со своей стороны и подтверждений со стороны социума (Э. Эриксон, 2000). В рамках неклассического подхода были выдвинуты гипотезы о различных видах идентичности, наиболее важными из которых являются социальная идентичность – отождествление человеком себя и социальных императивов – и личностная, персональная идентичность – отождествление человеком себя со своими собственными, «внутренними» стремлениями.

Аспекты устойчивости и изменчивости идентичности в условиях социальных изменений изучены Е.П. Белинской (2006), которая указывает, что максимально изменчивыми и одновременно максимально подверженными воздействию социальных стереотипов элементами является возможная (темпоральная) идентичность. Возможная идентичность является наиболее информативным конструктом для изучения психологии социальных изменений. Именно с возможным собой идентифицируется индивид, переживая переходы между состояниями социальной реальности.

На сегодняшний день в психологии представлен многоплановый и синкретический комплекс интереса к структуре и динамике переживания «переходов» (Г. Гарфинкель, 2007). При этом может акцентироваться как переходность границ социальных объектов (транgressия идентичности), так и переходность качеств субъекта (трансцендирование идентичности). Аутентичный уровень психологического анализа при этом определяется как анализ отношений личность – мир, опосредованных изменяющимся социальным контекстом (П.Н. Шихирев, 1999). Основным конструктом при этом является идентичность, а предметом и принципом исследования – ее обновление, становление и экспликация.

Иными словами, знание о психологии человека стремится к знанию существа трансцендирующего и транgressирующего, бытие которого представляет собой согласование различных тенденций открытости.

Психологии как науке о становлении человеческого бытия (экзистенции) внутренне присущ историзм, который выражается в культурно закреплённом наборе измерений времен, взаимодополняющих друг друга. Время вечности, стремление к системе, к неизменным и универсальным принципам вмещает в себя времена «случайных» событий – непредсказуемое, становящееся время. Сочетание этих измерений создают времена психологических пространств, имеющих свои порядки длительности – темпоральности. Содержание и структура сознания присутствия в конкретных психологических пространствах определяется как идентичность. Идентичность одновременно и универсальна, и обновляема.

В диалектическом противостоянии принципиальных подходов к изучению личности, идентичность выступает конструктом, обещающим согласование двух противостоящих гносеологических контекстов: контекста понимания личности как совокупности атрибутов индивидуума и контекста понимания личности как модусов бытия, тенденциональности и отношения бытия-в-мире. Все варианты идентичности, представляемые посредством набора атрибутов (например, половая, профессиональная, этниче-

ская) или посредством избранных модусов бытия (например, ролевая, возрастная, культурная), являются фиксированными (воплощенными в сознании и в мире) формами темпоральной, временной идентичности (зародышевыми, потенциальными). При этом всякий раз, когда мы обращаем внимание на собственно темпоральную идентичность (отождествление человека со своими возможными Я), неизбежно порождается новый контекст познания, ранее не видимый или не существовавший – контекст обновления, становления, творческого самовыражения. Этот контекст характеризуется перформативностью речи, то есть осознаваемая в это время психологическая реальность не отражает и не репрезентирует действительность, а превращает ее, придает ей новые смыслы, статусы, границы. Новый контекст переживается как период, характеризующийся неустойчивостью и неопределенностью, и в свою очередь порождает новый порядок (в физике аналогичные состояния называются точками бифуркации).

Конструкт темпоральной идентичности (Х. Маркус, 1987) позволяет обратить внимание не только на принятие неопределенности, но и на то, каким образом человек идентифицирует ситуацию как неопределенную (для этого он соотносит актуальную ситуацию с возможной идентичностью, и именно возможная идентичность выступает в этом процессе как устойчивое основание). Ведь исследования личности доказывают, что при всей изменчивости ситуации первична все же определенность личности, идентичность, даже если видима она лишь в виде интенциональности когнитивных процессов или тенденции становления. Именно идентичность позволяет людям встречаться и быть в ситуации (современниками), иначе все люди были бы «разновременниками» и не могли бы иметь общей ситуации и общего смыслового поля. Без конструкта темпоральной идентичности исследования, пытающиеся открыть структуры идентичности в принятии неопределенности, риска, разнообразия, изменений, лишь повторяют свои онтологические допущения. На этом пути, конечно, достигается более точное понимание эмпирического содержания, но не проясняется главный вопрос понимания человеческого взаимодействия, заданный, в частности Г. Гарфинкелем: «каким образом в своих обыденных делах, «зная» общество только изнутри, члены общества производят стабильные, объяснимые практические формы деятельности» (Г. Гарфинкель, 2007).

Обзор взглядов на проблему идентичности осуществляется в отечественной психологии многими учеными, и их общее мнение на данном этапе сводится к признанию значимости того факта, что человек отождествляет себя одновременно с множеством социальных групп, множеством социальных ситуаций и множеством своих состояний во временной транспективе, поэтому становление идентичности следует изучать в связи с характером временных соответствий.

Благодаря накопленным знаниям и опыту сегодня мы можем интенсифицировать процесс исследования и коррекции становления идентичности, представив его как ситуацию идентификации индивидуума с его экзистенциальной практикой. Такого рода идентичность существует исключительно в сознании и представляет собой смысловое соответствие. Когда три аспекта опыта – опыт индивидуализации (обобщающий коммуникацию), опыт трансцендирования (обобщающий мышление) и опыт отношения

(обобщающий осознание) определяются как идентичные друг другу по параметру «мое», мы можем предположить оформившуюся темпоральную идентичность. Такое осознание может иметь место в идентификации субъекта с актуальной экзистенциальной практикой. Переходя к рассмотрению проблемы идентичности в ситуации социальных изменений, рассматривая контекст социальных практик, имеет смысл говорить о темпоральной идентичности и транстемпоральных соответствиях.

В современной психологии, объяснительными принципами которой приняты коммуникативная природа человека и актуальность социальных изменений, постулат «бытие определяет сознание» значительно уточняется: сознание определяется опытом усвоения и реализации социальных практик. Идентификация индивида с социальными практиками (в масштабе всей жизни – идентификация с делом своего бытия, с делом своей жизни, экзистенцией, смыслом жизни) представляет собой процесс согласования темпоральных идентичностей (в структуре сознания темпоральные идентичности существуют в виде возможных «Я»: каким я мог бы быть, каким я могу быть). Темпоральные идентичности служат теми структурами, которые позволяют согласованно конституировать ситуации присутствия человека в условиях изменений.

Важным нововведением в психологии XX века было описание особой интенсивной характеристики бытия, появляющейся в человеческой коммуникации. Время было представлено как социальный продукт, ситуация, как атмосфера взаимодействия в группах, как создание совместными усилиями специфической реальности. Этот подход представлен в работах К. Левина (2000); С. Московичи (1998); О. Розенштока-Хюсси (2000); психотерапевтов А. Алексейчика (2008); Р. Кочюнаса (1998); Б. Хеллингера (2003).

Смещение акцента с понимания времени как формы субъективного присутствия, времени – силы, времени – действующего лица, Бога, принципа, метрики бытия, вызова действительности и пр. на понимание времени как продукта человеческого взаимодействия ознаменовало новый этап и в развитии экзистенциальной психологии и в развитии психологии вообще. В последнее время психологи обращают пристальное внимание на психологию человеческого бытия (В.В. Знаков, 2005), психологию творчества (В.П. Зинченко, 1995, 1997, 1994, 1976), психологию жизнестойкости и жизнотворчества (Д.А. Леонтьев, 2001), гуманитарную психологию (Б.П. Братусь, 1997, 1999), психологический смысл длительности (Ю.К. Стрелков, 2005). Тематика исследований психологов часто связана с проблематикой транспозиции социальных форм жизни групп и обществ в личностные формы жизни: психология самоактуализации, психология мифа, психология здоровья, транскомуникация и постметодологическая перспектива, трансспективный анализ и теория психологических систем (Э.И. Мещерякова, 2001; Э.В. Галажинский, 2002; В.И. Кабрин, 2005; Г.В. Залевский, 2002; В.Е. Ключко, 2005).

С одной стороны, все теоретически полные работы в той или иной мере подразумевают проблему целостности и соответствия временных сфер, масштабов, тенденций, уровней интенсивности; при этом такие единицы, как хронотоп, квазивременные состояния, перспектива будущего, хронометрия широко используются для понимания от-

дельных аспектов социально-психологического опыта, таких, как социальная и политическая активность, экономическое поведение и принятие решений, переживание кризисов и социальных изменений, самоактуализация и социальная успешность. С другой стороны, динамика симфонизации временных форм идентичности еще не в достаточной степени представлена в качестве приоритетного условия организации психологических систем и психологической практики.

Из вышесказанного и современных методологических положений можно заключить, что адекватным методом исследования оснований устойчивости человеческого бытия (становления идентичности) в ситуации социальных изменений, исследований не только проблем, но и рисков идентичности являются методы, построенные на принципах иерархической и тенденционально согласованной рефлексии. Так, для понимания идентичности необходима согласованная рефлексия объекта (эмпирический опыт), рефлексия процесса понимания объекта (рациональный, когнитивный опыт) и рефлексия способа существования (экзистенциальный опыт). Аналогично необходима и последовательная рефлексия сущности, существа и существования, предметности, предмета и присутствия и т.д. Главным является принцип согласования порядков рефлексии, то есть феноменологический метод, отражающий самый глубокий уровень рефлексии из рассматриваемых в современной психологии. Он должен быть дополнен положениями о симфонизации (интенциональной синхронизации), согласованности порядков рефлексии и идентичности. И, воспользовавшись таким методом, мы можем объяснить множественность различных видов идентичности в системности становления:

1. Идентичность есть интегральная оценка процесса саморазвития человека, представленная эффектами транстемпоральной симфонизации опыта удовлетворения потребности в обнаружении человеком себя в мире (потребности в идентичности).

2. Идентификации могут быть объективированы различными способами как состояния, закономерности, конституции, срезы деятельности, опыты, осознания и т.д., но в эпоху социальных изменений важно понимать тенденцию согласованности различных временных порядков (темпоральностей) в процессе обеспечения устойчивости человеком своего бытия в мире.

3. Различные виды идентичности, такие как социальная, персональная, этническая, культурная и пр., в своем становлении являются формулировками реалистических целей, призванных согласовать миропроекты людей в конфронтации генеральных намерений и конечных данностей бытия.

4. Понимание идентичности обусловлено принятием значимости определенной совокупности модусов присутствия. Конечные интерпретации идентичности являются выражениями первично провозглашенных модусов существования. Аутентичность экзистенции обеспечивается динамикой идентичности – согласованием актуализируемых модусов бытия.

5. За пониманием закономерностей процессов становления личности и социальной ситуации стоит предположение о транстемпоральной целостности человеческой жизни.

В главе 4 «Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта» рассмотрены вопросы соотношения естественного и сверхъестественного в ситуации становления идентичности как ответ на вопрос «может ли экзистенциальный анализ быть признан научным методом и одновременно методологией практики?». Представлено соотношение метамоделей временных сфер (темпоральностей) Дж. Фрейзера (1982), рассматривающего временные отношения в категориях физики (диапазонов скоростей движения частиц и, соответственно, их масс), и гуманитарной модели О. Розенштока-Хюсси (2002), рассматривающего временные сферы в соответствии с характерными для каждой темпоральности пределами диалога человека с миром. Предлагается принять эти модели как взаимодополняющие и предположить, что социотемпоральность Дж. Фрейзера вмещает в себя проблематику становления идентичности и может изучаться феноменологически. Также проанализированы подходы, разработанные в рамках направления экзистенциального анализа с точки зрения акцентов по отношению к тенденции возрастания сложности временной организации жизни (психологических систем).

В связи с необходимостью учитывать сложность временных соответствий при изучении становления идентичности предлагается дополнить феноменологический метод в психологии пониманием транстемпоральной специфики формирования структур сознания. Предлагается дополнить структуру феноменологического метода и процедуру исследования акцентами транстемпоральных соответствий.

Феноменологический подход, позволивший психологии (и человеку) устоять перед изменениями XX века и породивший неклассическую методологию, опирающуюся на субъективность и рефлексивность способа познания, сегодня не «успевает» за прагматизмом социальных практик, быстро модифицирующим и технологии, и условия жизни/ (Например: Принцип государственного суверенитета и права на национальное самоопределение еще недавно выступавший в качестве ценности и смысла политической борьбы, сегодня стал картой в политической игре, когда сепаратистские движения инициируются политическими целями внешних государств, а национальные идентичности могут быть быстро созданы СМИ, когда социальная психология становится экспортным продуктом и средством политической борьбы). В этой связи актуальным является методологическое дополнение феноменологического анализа принципами новой (респонзивной) рациональности и принципами современной интерпретации, соответствующими постнеклассической научности (системе установок на изучение процессов самоорганизации антропокосмических систем). Не только интенциональность изучаемого сознания (то есть мира для жизни) должна подвергаться феноменологическому пониманию, но и интенциональность изучающего сознания (то есть жизненного мира), также должна трансформироваться в формы самосознания и коммуникации. Причем оба эти процесса должны быть согласованы (Б. Валденфельс, 1991; В.Г. Ромек, 2000; О.В. Суворов, 2000; Я.А. Слинин, 2001; В.В. Столин, 1983, 1988).

Более высокие уровни сложности и порядки усложнения психической организации не могут быть исчерпывающе поняты с помощью категорий низших уровней, то есть с

помощью методов редукционного анализа. Для понимания сложных психологических явлений необходима феноменологическая интерпретация – способ увидеть в целом то, что есть, было, будет, могло быть и может стать, и выразить это на понятном языке. Для феноменологического описания психологических явлений необходимо учитывать не только фактические характеристики и измерения, но и гипотетические (характеристики возможной, рискованной действительности). Особое значение при этом имеет измерение временных (хронотопических) соответствий. Феноменологическая интерпретация должна быть признана необходимым аспектом всех социальных практик, учитывающих динамику становления человека.

Разработка феноменологического метода изучения опыта становления идентичности сегодня необходима для практического решения важнейших проблем в различных отраслях психологии, в том числе при изучении:

1) процессов становления идентичности в практиках психотерапии, социотерапии и образования как ключевого фактора в решении проблем мотивации и готовности к инновационной деятельности;

2) процессов становления идентичности в практиках воспитания, наставничества и тренерства как ключевого фактора решения проблем мотивации и готовности к лидерству, к предпринимательской деятельности;

3) процессов становления идентичности в практиках управления и проектирования как ключевого фактора решения проблем ответственности и управления рисками.

Практическое решение этих проблем, выражающееся в различных аспектах психологии готовности и ответственности, вмещается в проблемы психической ригидности (избыточной устойчивости психологических систем), флексибельности (оптимальной подвижности психологических систем) (Г.В. Залевский, 2002, 2003, 2004), интенциональной открытости (временной согласованности психологических систем) (В.Е. Ключко, 2005; О.В. Лукьянов, 2007), ценностно-смысловой ориентации в психологии понимания и психологии бытия (В.В. Знаков, 2005).

В самой основе феноменологического метода заложена онтологическая позиция. Феномен – это, кроме всего прочего, онтологическое основание, то, что было, есть и будет в единстве смысла жизни. В феноменологическом методе подразумевается «вертикальность» времен, то есть вложенность длительностей разного масштаба друг в друга. Эту вложенность времен (возможных длительностей) в одном актуальном времени (в текущей длительности) мы называем транстемпоральностью и именно на ней акцентируем свое внимание.

Транстемпоральный подход позволяет видеть качество не само по себе, но качество в количестве (длительности, повторяемости, регулярности времени практики). В контексте социальных изменений, рассматривая не просто переживание, а систему социально-психологической практики-переживания, мы сохраняем не только обыденный язык, но и учитываем процессы трансформации языка. Феноменологическое исследование в транстемпоральном аспекте опирается на методологию понимания не всякого

опыта, а опыта соответствия трех составляющих человеческого присутствия: переживания (качества), практики (ответственности) и языка (детерминированности).

Транстемпоральный подход позволяет занять равновесную позицию между двумя крайними точками зрения на предмет психологического исследования: исследовать и опыт, и поведение. Опираясь на положения о сложности и целостности времен жизни, мы можем сказать, что поведение и опыт являются различными сторонами одного целого – системы практики-переживания. Ориентация на переживание в качестве предмета исследования в этом случае выглядит как стремление описать переживание (поведение и опыт) в терминах социально-психологической практики. Это особенно уместно в случаях изучения жизнеизменяющих переживаний, когда речь идет о взаимоотношениях человека и мира, опосредованных социальным контекстом.

В феноменологическом исследовании, не учитывающем транстемпоральную методологию, предполагается, что использовать рефлексивные данные может тот человек, который является достаточно человечески близким к описываемому опыту, главным принципом и условием соответствия является эмпатия. В транстемпоральном отношении главным принципом, позволяющем взять рефлексивные данные в качестве достаточных, является общность социально-психологической практики – согласованность поведения, опыта и речи, совместность. При этом важным условием является учет уровня, степени, времени, смысла и других характеристик совместности.

Часто психолог действует в определенных обстоятельствах, задающих уровень интенсивности жизни и рефлексии. Исследователь ангажирован ситуацией и должен «следовать за мышлением другого человека», не отставая и не забегая вперед (таким является, например, психотерапевтическое исследование). Исследователь ограничен. Полное выполнение всех шагов процедуры феноменологического анализа не всегда возможно. Не всегда мы можем позволить себе пройти весь путь от взятия рефлексивных данных до максимально подробного убедительного описания. Часто исследователю необходимо быть понятым вовремя. Для этого необходимо не отбрасывать, а принимать теоретические предположения в качестве дополнительных данных. Теоретические предположения следует считать результатом рефлексии, состоявшейся ранее и «закостеневшей» в свое время. Дополнения к феноменологическому методу в связи с транстемпоральными аспектами изучения продолжают воплощать идею погружения в неопределенность существующих теоретических положений, но учитывается, что эта неопределенность актуально конституируется контекстом социально-психологической практики.

В современных качественных исследованиях отдается предпочтение обыденному языку описания в силу того, что обыденный язык предоставляет нам максимально широкие классы имен и описательных понятий. Обыденный язык позволяет улавливать множество нюансов, которые теряются при переводе повествования на некоторый категориальный язык. Транстемпоральное отношение дополняет эту специфическую черту феноменологического метода пониманием временных форм обыденной речи. Императивная, субъективная, повествовательная, объективная речь отражают связь времен,

становление человека в качестве звена исторической цепи. Таким образом, усиливается позиция предпочтения языка, стремящегося сохранить текучесть и поток сознания, но не посредством отрицания категориального языка, то есть языка, стремящегося свести описание к набору нескольких категорий, а посредством преодоления категориальности пониманием того, что категории в свое время были метафорами и именами, возвращая онтологический смысл категорий, слов и понятий. Емкие общепринятые к употреблению категории следует поместить в неопределенность социально-психологической практики, сделать их поводом для трансцендентной самокритики сознания. Это позволит воспроизвести смысл категорий, «оживить» их, поместить их в интенсивную действительность переживания. При этом обыденная речь будет трансформироваться не в менее живую и далекую от переживания форму, но станет формальной речью, имеющей статус жизнеизменяющей, обеспечивающей время.

Структура и процедуры феноменологического исследования

Теоретики качественных исследований отмечают, что при всем многообразии вариантов исследовательских проектов феноменологического метода и их реализаций имеет место общая структура необходимых стадий:

1. Стадия сбора наивных описаний.
2. Стадия анализа наивных описаний с выделением структурных составляющих переживания.
3. Составление отчета, дающего ясные артикулированные описания интересующего феномена (переживания) (С.Е. Олишевский, 1997).

Транстемпоральное отношение добавляет к этой общей структуре фазу (именно фазу, то есть меру отклонения, а не стадию) установления и описания социально-психологической практики, контекста социальных и жизненных изменений. Это действие должно осуществляться в самом начале исследования и воспроизводиться на всех последующих стадиях. То есть исследователь должен в начале артикулированно выразить базовую форму времени – смысл психологической практики, а потом все время соотносить опыт рефлексии переживания с опытом практики.

Процедура феноменологического исследования достаточно громоздкая, но самой большой ее слабостью является то, что структурированное феноменологическое описание не обладает доказательной силой. Более того, описание подразумевает большую заинтересованность читателя в его адекватном понимании. Это заставляет специалистов, работающих в рамках феноменологического подхода, в большей степени опираться на свой собственный опыт и психологические практики. При этом исследователь не стремится доказать свою концепцию, а предоставляет структуру и результаты своей практики. Практика тоже не является доказательством для критикующей общественности, но в этом случае исследователь уверен, по крайней мере, в лояльности практикующих.

По сути дела, феноменологические описания полезны только людям, объединенным общей психологической практикой. Например, феноменологические описания переживаний, написанные психотерапевтом, интересны и полезны именно психотерапев-

там, а не психологам в армии или детском саду. Впрочем, как говорилось в предыдущих главах, сегодня психологические практики занимают настолько большое место в социальной реальности и настолько разнообразны, так быстро появляются и трансформируются, что описания некоторых переживаний могут быть интересны и жертвам и палачам, и «голодным» и «сытым».

Транстемпоральное отношение позволяет усовершенствовать метод феноменологического исследования. Сохраняя преемственность схемы и процедур, но добавив смыслы понимания и описания явлений в мультиперспективе становления форм времени, мы можем предложить следующие дополнения к феноменологическому методу:

1. При общем знакомстве с текстом следует стремиться к пониманию смысла социально-психологической практики, являющейся контекстом исследуемого переживания, к пониманию темпоральной идентичности респондента. Общей формой понимания на этом этапе может быть следующая: «Участвуя в ..., субъект переживал». Таким образом, общее понимание смысла текста будет сосредоточено не только на субъективных аспектах опыта, но будет представлять собой экспликацию формы экзистенциального времени.

2. В качестве смысловых единиц выделять не любые смыслы, а темпоральности – длительности опыта, однородные по своему смыслу. (Темпоральность – время, длительность конкретного опыта).

3. К преобразованию смысла выделенных длительностей в психологический язык добавить нечего, эта задача полностью соответствует существующим принципам феноменологического исследования.

4. Вместо группировки смысловых единиц и тем необходимо исследовать тенденции и структуры переходов и согласований темпоральностей. Тенденции перехода человека в своем повествовании от переживания одной длительности к другой показывает нам тенденцию становления его сознания, а, значит, тенденцию становления его бытия в мире. Это позволяет нам феноменологически понять человека в его готовности быть, понять смысл его опыта в контексте его экзистенции, а также в изменяющемся социальном контексте, представленном социально-психологической практикой. Таким образом, мы предлагаем получать не списки тем, а описания тенденциональности становления человеческого бытия в мире в терминах конкретного опыта и переживания.

5. Структурное транстемпоральное описание содержит по сути дела морфологию экзистенциального опыта. Имена времен жизни, тенденции переходов и согласования различных масштабов опыта показывают нам структуру становления человеческого в человеке, мире, космосе, социуме, истории, деятельности и т.д., смотря какую специфику социально-психологической практики мы возьмем в качестве контекста. Транстемпоральное отношение позволяет формулировать результаты исследования как системообразующие принципы. Близкую точку зрения представляет теория психологических систем В.Е. Клочко (2005).

В целом в четвертой главе указывается, что транстемпоральный подход может быть представлен как вариант развития положений экзистенциальной психологии и со-

вершенствования феноменологического метода. В современных обстоятельствах методологического плюрализма в психологии транстемпоральное отношение является полезным дополнением к уже имеющимся классическим и неклассическим подходам в свете понимания проблем социально-психологических практик и жизнеизменяющего опыта. Методология феноменологического подхода, дополненная транстемпоральным отношением, позволяет расширить мир опыта становления человеческого бытия за счет изучения психологии переживаний в контексте времяобразующих психологических практик (определение «времяобразующих» можно заменить на «социально-психологических», так как времена являются социальными продуктами). К выгодам от дополнений транстемпорального отношения относятся:

а. объединение различных источников получения данных (рефлексивные описания, саморефлексия исследователя, общекультурные тексты) в одну систему практики-переживания;

б. возможность оптимизации интуитивных усилий благодаря принятию границ неопределенности, обозначаемых социально-психологической практикой – времяобразующим контекстом;

в. ориентация описания тенденции становления человеческого бытия в мире, понимаемого в категориях конкретного опыта (опыта интенциональной синхронизации времен), которая заменяет собой ориентацию на получение списка тем структурного описания.

Понимание тенденциональности становления человеческого бытия в переживании может выступать как гипотеза о системообразующих факторах в психологических системах.

Глава 5 «Перформансная коммуникация как психологическая практика формирования темпоральных идентичностей» посвящена проблеме понимания контекста, в котором формируется идентичность и ее тенденциональное основание. Поскольку мы решаем проблему идентичности как проблему устойчивости человека в меняющемся мире, мы предлагаем считать базовым контекстом формирования идентичности контекст свидетельствования (supervising). Именно свидетельствование как социальная практика обеспечивает единство устойчивости и уникальности личности, отвечает требованию тернарного мышления и респонсивной рациональности, соответствует базовой динамике человека как открытой саморазвивающейся системы.

На переходе от XX к XXI столетию наблюдается возрастающий интерес к анализу и осмыслению феноменов перформанса – формы представления, в которой главную роль играет зритель, в различных сферах социальной жизни: искусстве, науке, политике (Г.Г. Почепцов, 2001). Все больше социальных практик интерпретируются и организуются в перформансной динамике. Кроме традиционных практик, таких как изобразительное и драматическое искусство, все большее значение занимают перформансные технологии в информационном бизнесе, организации досуга, политической борьбе, образовании. С этой тенденцией связана необходимость переосмысления опыта и культуры, понимаемой сегодня не в качестве поздней надстройки над природой, созданной

человеком, а в качестве онтологического основания становления Человека и человеческого в мире (О. Розеншток-Хюсси, 2001).

В этой связи коммуникация и коммуникативные процессы представляются не просто процессами становления, обмена и взаимодействия, но и пространствообразующими, мирообразующими, подходеобразующими явлениями (В.И. Кабрин, 2005) в психологии и социальных науках. В контексте социального познания (Г.М. Андреева, 2000) ситуации самоопределения людей и групп изменяют смыслы и содержания социальных практик, форм взаимодействия и жизни. (В наше время, к примеру, категорически изменяются такие социальные практики, как бракостроительство, труд и многие другие. Заключение брака уже не является формой, служащей продолжению рода, а часто является, как раз наоборот, способом уйти из родовых отношений, изолироваться от рода и родовой преемственности. Так же и труд отдельного человека, переставая быть необходимым аспектом выживания рода, становится символом социального престижа и социального права, формой экзистенциального абсурда). В мире социальных изменений одновременно актуальными оказываются императивы различного уровня, и поиск ответа на эти императивы становится специфически проблематичным, поскольку становится именно поиском идентичности, а не только поиском подходящего решения.

Психологические исследования, вынужденные все более и более конкретизироваться в связи с социальным контекстом, строятся на изучении все более мелких фрагментов действительности. В стремлении охватить и обозначить пределы содержимого нашего сознания психологи «фокусируют» взгляд на все более малых формах присутствия, вмещающих в себя все более великое сознание. Кажется, что сегодня наилучшая психологическая категория – это такая категория, которая обозначает максимально маленький или максимально эфемерный (духовный) аспект содержания бытия, но который воплощает в себе бесконечность и вечность, эффективно репрезентирует действительность. Но репрезентативность и презентабельность, даже взаимная, характеризует только один аспект современного понимания коммуникации. Другим важным аспектом является перформансность. Пределом репрезентативности коммуникации является возведение в ранг сверхзначимой реальности Встречи. Перформансная коммуникация подразумевает необходимость предшествующей Встрече Разлуки (потери, отчаяния, абсурда, поражения), а в целом – необходимости пути.

Коммуникация сегодня является не только процессом и условием трансформации человеческой идентичности, но и сама коммуникация трансформируется в ходе становления человека и человеческого присутствия. Коммуникация опосредуется темпоральной идентичностью. Темпоральные идентичности определяют контексты изменений коммуникации. Не только личность, свойство, качество человека и человеческой активности объясняются посредством свойств и качеств коммуникации, но и мы сами, становясь Человеком, объясняем, создаем и трансформируем коммуникацию. Перформансная коммуникация есть трансформирующаяся и трансформируемая нами коммуникация (Э.Д. Коркия, 2006). По динамическим характеристикам именно перформансная коммуникация соответствует ситуации изменений и образу изменяющегося мира.

Уточним основные смыслы и характеристики перформансной коммуникации в отношении образа изменяющегося мира.

1. Перформансная коммуникация по своему смыслу может быть противопоставлена репрезентативной коммуникации.

2. В перформансной коммуникации в качестве выразительного средства используются не знаки или символы, а само пространство. В практиках перформансной коммуникации часто тело человека и пространство восприятия являются средствами и каналами передачи информации.

3. В перформансной коммуникации идентичность человека трансформируется (формируется темпоральная, возможная идентичность), тогда как в формативной (репрезентативной) коммуникации идентичность формируется и остается неизменной (то есть фиксируется как ригидная структура, продолжительное состояние, длительностная, достаточно устойчивая социальная, личностная и т.п. идентичность). В событиях перформансной коммуникации человек сначала деиндивидуализируется.

4. В перформансной коммуникации события, предшествующие и последующие наблюдаемому действию, включаются в само событие, но не в качестве прошлого и будущего, а в качестве принятия их человеком здесь и сейчас в событии, в деянии.

5. Структура события перформансной коммуникации определяется присутствием зрителя. Даже безмолвный или предполагаемый зритель является главным коммуникатором, несмотря на то, каким талантом и достоинством обладает активно выражающийся перед ним субъект.

6. Перформансная коммуникация соответствует пониманию бытия человека как вложенных друг в друга сфер и возможностей присутствия. Время в этой реальности понимается как время становления человека собой в мире.

Помогающие психологические практики издавна создавались в качестве форм перформансной коммуникации. Не использовался только термин. Формами перформансной коммуникации можно считать как мистерии древнего мира, так и современные примеры групповой психотерапии: Интенсивную терапевтическую жизнь А.Е. Алексичика (2008), Театр спонтанности Я. Морено (Г. Лейтц, 1994), метод семейных расстановок Б. Хеллингера (2003), жизнеизменяющую психотерапию Дж. Бьюджентала (1998), провокационную психотерапию Ф. Фарелли (1996) и другие концепции психотерапии. Эти формы перформансной коммуникации используют не только идентичность человека, но и саму коммуникацию для превращения естественного социального сообщества в терапевтическую трансформацию и опираются не на модели, символы и средства, а на пространство и тело человека.

Но в контексте классической научности, рассматривающей в качестве реальной лишь репрезентативную коммуникацию, все авторы были вынуждены приходить к пониманию того, что психологическая практика больше близка к искусству, чем к науке и технике. И эта близость обуславливалась тем, что в искусстве поиск формы выражения имеет большее значение, чем поиск специфического содержания. То есть поэта Гус-

серля – форма, которую принимает наше сознание, преобладает над *poesis* – содержанием сознания и всем, что охватывается нашим сознанием (Э. Гуссерль, 1992).

Используя в качестве канала коммуникации само пространство, тело, экзистенцию, перформансная коммуникация открывает нам процесс становления времени нашей жизни. В психологических практиках перформансность коммуникации проявляется в виде тенденций становления многомерного мира (В.Е. Ключко, 2005). Именно тенденция становления многомерности видится нам самым важным и самым устойчивым элементом структуры современного события. Так, к реальным изменениям жизни ведут не сами по себе моменты кризисов, интимности или откровения, а настойчивое продолжение человеком усилий тенденционального повторения и продолжения этих моментов в своих переживаниях, мыслях, идентичностях, в соответствии становления, то есть в удержании многомерности, обеспечении устойчивости и уникальности своего бытия.

Глава 6 «Динамика формирования темпоральной идентичности в ситуации социальных изменений» посвящена изложению эмпирических исследований, принятых с целью разработки и апробации транстемпорального подхода к изучению практик идентификации. Главной характеристикой динамики формирования темпоральной идентичности является обнаружение человеком своего Я (идентичности) как условия одновременности (точнее современности), уникальности и устойчивости своего бытия.

Для описания динамики формирования темпоральной идентичности мы использовали известную модель Э. Гуссерля, дополнив ее динамическими характеристиками (Husserl., Цит. по: М. Мерло-Понти, 1999, с. 528).

В тексте представлены результаты исследований, выбранных в качестве наиболее иллюстративных из предпринятых автором, а именно: готовности быть родителем у молодых людей (жителей современного города), переживания страдания в различных обстоятельствах жизни, социотерапевтического опыта в образовательных практиках. Во всех случаях исследовались тексты, отражающие опыт становления идентичности. Целью исследований было описание динамики идентичности в отношении согласования порядков и уровней сложности процессов саморазвития человека, то есть совокупности процессов саморегуляции, самореализации, самовосстановления и паталогизирующих человека процессов – потери себя, саморазрушения, жалости себя и т.д.

Феноменологические исследования опыта идентификации в ситуации социальных изменений могут служить основой для организации рискованных (эвристических) социальных практик, то есть таких практик, в которых нет и не может быть готового психологического знания и завершающего процесс решения, но существует необходимость осваивать ситуацию социальных изменений, принимать решения в данное время, исходя из понимания временных соответствий больших масштабов, опираться на темпоральную идентичность.

Как указывалось в предыдущих главах, для этого феноменологический метод должен быть модифицирован в отношении транстемпоральных измерений опыта. Фе-

номенологическая интерпретация смыслов и значений опыта должна осуществляться в категориях транстемпоральных соответствий и тенденциональности становления ситуации. Исследованные случаи показывают эффективность феноменологической интерпретации, опирающейся на принцип транстемпоральности. В техническом смысле это означает, что мы интерпретируем не только интенции ответов человека на ситуацию, но и тенденцию идентификации человека с динамическими структурами, то есть вопросами и основаниями, задаваемыми ситуацией.

Эмпирические исследования позволяют понять, что в ситуации социальных изменений проблема идентичности заключается не только в обнаружении, но и в симфонизации онтологических оснований. Иметь себя, быть собой и становиться собой – это три задачи, которые человек должен решать одновременно в конкретном времени своей жизни. То есть, имея себя, быть и становиться собой, становясь собой, быть и иметь себя, пребывая самим собой, и становиться, и иметь себя. Это возможно только в том случае, когда такая возможность заложена в природе и динамике развития человека. И эта возможность обнаруживается в симфоничной, изначально целостной динамике пространства и времени. Идентичность обеспечивает устойчивость человека в меняющемся мире именно потому, что динамика времени и пространства изначально целостна и эмпирические исследования это обнаруживают.

Мы можем сказать, что социальный контекст как определенный экзистенциальный срез динамической целостности времени и пространства опосредует праксис формирования идентичности. Опосредованность праксиса формирования идентичности социальным контекстом выражается в качестве темпоральности – в структуре длительности, времени идентичности.

Темпоральная идентичность формируется как освобождение субъектом некоторого временного интервала. Так, например, люди, имевшие опыт заключения в тюрьме, говорили, что имели там много свободного времени. Но можно ли считать такое понимание простым и очевидным, ведь сама ситуация заключения в тюрьму есть ситуация несвободы? Как возникает свободное время? Какой истинный смысл стоит за таким процессом? Время освобождается для обнаружения тождественности с новым опытом, для того, чтобы принять возможность изменений («устоять в захваченности присутствием», по выражению М. Хайдеггера). Это переживается как борьба, конфронтация с существующим, с ситуацией. События этой борьбы могут выступать этапами в нисходящей или восходящей тенденции относительно уровня экзистенциального напряжения, то есть качественные характеристики темпоральной идентичности могут соответствовать увеличению уровня жизненности, его фиксированности или понижению. Практика переходных периодов жизни (становления темпоральных идентичностей) является сочетанием перформансной и репрезентативной коммуникации.

Аутентичные варианты идентичности вообще и темпоральной идентичности, в частности, обусловлены перемещением границ ответственности из зоны переживания проблем в зону переживания рисков и управления рисками. Качества темпоральной идентичности связаны со специфической психической ригидностью (фиксированно-

стью на переживаниях перехода), задерживающей человека в движении к необходимому смысловому горизонту.

Выводы

1. Метапсихологический анализ показал, что аксиоматика различных теорий идентичности до сих пор ориентирована на представление об идентичности как особой интегрирующей структуры психики (личности). Это существенно ограничивает возможность подъема к более универсальным объяснительным принципам, опираясь на которые можно было бы объяснить, как человек, постоянно изменяющийся под воздействием внешних обстоятельств и внутренних процессов саморазвития, продолжает оставаться особым образом соответствующим самому себе и миру – во всем многообразии и вариативности их изменений. Сегодня особенно заметной становится «избыточность» теоретических построений, сигнализирующая о слабости теоретических оснований, проявляющихся приростом неупорядоченного (или малоупорядоченного) психологического знания.

2. Разработка общих положений процессуально-динамической теории идентичности способствует формированию перспективы разработки транстемпорального подхода в психологии, отвечающего представлениям о психическом гомеорезе, как онтологическом основании бытия человека в меняющемся мире.

3. Проведенное исследование позволило:

- уточнить методологические основания изучения динамики становления идентичности в теории и практике;

- дополнить методы экзистенциального и феноменологического анализа принципами транстемпоральной интерпретации опыта, когда интерпретация является способом симфонизации времен и синхронизации пространств;

- рассмотреть специфический тип коммуникации (перформансной), служащий основанием психологической практики становления идентичности.

4. В контексте системно-антропологического подхода идентичность можно и нужно понимать как условие обеспечения устойчивости человека в динамике становления. Становление идентичности осознается посредством конструкта темпоральной идентичности, которая выражает тенденциональность синтеза хронотопов идентичности, осуществляемого человеком в контексте социальных изменений (феномен готовности быть).

5. Феноменологический анализ является релевантным методом для исследования становления идентичности при условии его дополнения аспектом транстемпорального отношения. Для стадии сбора данных это означает не только понимание того, какое значение человек придает своему опыту, но и понимание тенденциональности синтеза идентичности. В отношении естественно-научных интерпретаций, транстемпоральное отношение означает понимание конкретного времени (длительности, темпоральности) как поля диалектической борьбы других времен. Феноменологический анализ, таким образом, может быть направлен на экспликацию тенденции и способа симфонизации

времен (направления перехода поля конфронтации времен в область того или иного типа темпоральности).

6. Становление идентичности происходит в контексте перформансной коммуникации. В тех случаях, когда перформансность коммуникации не выражена в явном виде, идентичность формируется в контексте тенденций перформативности повседневной коммуникации, проявляющихся в речи. В этом случае идентичность может быть сведена к феномену готовности быть собой в мире ценой необходимых изменений. Именно готовность «платить» необходимую цену изменения является системной характеристикой, обеспечивающей успех.

7. Самоидентичность в системно-антропологическом ракурсе может быть определена как смысложизненное отношение современности потерь и приобретений себя в мире. Качественные характеристики становления идентичности определяются темпоральным соответствием при выполнении человеком своих экзистенциальных обязанностей возрождения прошлого и провозглашения будущего.

8. Идентичность не является фиксированной структурой, но так же не является и переходной формой жизни. Избыточная фиксированность формы и содержания идентичности, как и избыточная изменчивость, препятствуют становлению аутентичной экзистенции и могут быть квалифицированы как специфическая форма психической ригидности, отражающая проблему (кризис) в отношении условий жизни, нарушения историко-психических оснований бытия.

9. Идентичность в динамической и содержательной полноте не переживается в конкретном актуальном опыте, а выступает требованием (императивом) усложнения и повышения уровня саморазвития. Идентичность интенсивно переживается в опыте рефлексивной (феноменологической) интерпретации в контексте социальных изменений, при переносе центра ответственности из зоны решения проблем в зону управления рисками (предпринимательской, инновационной, житнетворческой активности).

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, определенных ВАК Минобрнауки России:

1. *Лукьянов О.В.* Прагматика психологического исследования // Вестник Томского государственного университета. Сер. Психология. – 2005. – № 286. — С. 20–32. (1,68 п.л.)

2. *Лукьянов О.В., Карпунькина Т.Н.* Современность – культура одиночества // Вестник Томского государственного университета. Сер. Психология. – 2005. – № 286. – С. 97–105. (0,96/0,48 п.л.)

3. *Лукьянов О.В.* Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 59–66. (0,84 п.л.)

4. *Лукьянов О.В.* Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 298. – С. 179–186. (0,8 п.л.).

5. Лукьянов О.В. Экзистенциальный анализ и природа времени. Транстемпоральный характер экзистенциального опыта // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 164–171. (0,9 п.л.)

6. Лукьянов О.В. Экзистенциально-феноменологическое исследование в социальной психологии. Проблема современности и ответственности // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 29. – С. 41–47. (0,72 п.л.)

7. Лукьянов О.В. Транстемпоральная супервизия // Сибирский психологический журнал. – 2008. – № 30. – С. 33–37. (0,48 п.л.)

8. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 333–337. (0,45 п.л.)

9. Лукьянов О.В. Психологическая системность практик веры. Градиенты становления человеческого в человеке // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 325. – С. 152–157. (0,6 п.л.)

Монографии:

10. Лукьянов О.В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 212 с. (13,4 п.л.)

11. Лукьянов О.В. Готовность быть. Введение в транстемпоральную психологию. – М. : Смысл, 2009. – 231 с. (14,5 п.л.)

12. Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании / Лукьянов О.В., Дремов С.В., Уткин А.В. [и др.] ; под ред. О.В. Лукьянова. – Томск : Спринт, 2001. – 440 с. (24,34/10,67 п.л.)

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

13. Лукьянов О.В. Можно не скучать. Введение в экзистенциальное образование // Сибирь. Философия. Образование : альманах / Институт повышения квалификации г. Новокузнецка. – Новокузнецк, 2002. – Вып. 6. – С. 72–80. (0,55 п.л.)

14. Лукьянов О.В., Антонович Л.Г. Личность – время идентичности. Надкультурный личностный опыт. // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность / под ред. В.И. Кабрина. – Томск : Изд-во ТГУ, 2002. – С. 182–192. (16,5/0,66 п.л.)

15. Лукьянов О.В. Образование как высшая форма отдыха. Постулаты экзистенциальной дидактики // Сибирь. Философия. Образование : альманах / Институт повышения квалификации г. Новокузнецка. – Новокузнецк, 2003. – Вып. 7. – С. 46–60. (0,96 п.л.)

16. Лукьянов О.В. Экзистенциальная терапия – время остановки // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии / сост. Ю. Абакумова-Кочюнене. – Бирштонас – Вильнюс, 2003. – Т. I. – С. 51 – 68. (0,98 п.л.)

17. Лукьянов О.В. Растерянность – экзистенциальный опыт в образовании // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2003. – Вып. 1/ 2003. – С. 20–43. (1,32 п.л.)

18. *Лукьянов О.В.* Экзистенциальная социотерапия и проблема спасения от одиночества // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии / сост. Ю. Абакумова-Кочюнене. – Бирштонас – Вильнюс, 2003. – Т. I. – С. 161–189. (1,6 п.л.)
19. *Лукьянов О.В., Г.В. Чичкова* Экзистенциальная традиция – юмор под покровом ума // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2004. – Вып. 1/2004. – С. 72–104. (2,24/1,12 п.л.)
20. *Лукьянов О.В.* Быть во времени – это просто ждать и знать чего ждешь // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2004. – Вып. 2/2004. – С. 83–88. (0,35 п.л.)
21. *Лукьянов О.В.* Кредит будущего. Прагматика экзистенциального праксиса // 2-ая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии : материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – С. 130–136. (0,38 п.л.)
22. *Лукьянов О.В.* Смысл феноменологического подхода в образовании – возвращение права на самовыражение и риск нового тоталитаризма // Переход к открытому образовательному пространству / под ред. Г.Н. Прокументовой. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – Ч. 1 : Феноменология образовательных инноваций. – С. 451–474. (1,44 п.л.)
23. *Лукьянов О.В.* Транстемпоральный принцип успешности психологической практики // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия Общественные науки. – 2006. – №2. – С. 101–112. (1,43 п.л.)
24. *Лукьянов О.В.* Готовность быть. Предположения о транстемпоральности опыта озабоченности настоящим // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2006. – Вып. 1/2006. – С. 125–143. (1,26 п.л.)
25. *Лукьянов О.В.* Морфологический анализ тел времени в экзистенциальных праксисах // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2007. – Вып. 1/2007. – С. 89–104. (1,05 п.л.)
26. *Лукьянов О.В.* Психологические практики и перформансная коммуникация // Коммуникативное измерение в психологической антропологии : коллективная монография / под науч. ред. В.И. Кабрина. – Томск : Иван Федоров, 2007. – С. 169–187. (39,06/2,11 п.л.)
27. *Лукьянов О.В.* Мнемотехника экзистенциального опыта // Экзистенциальная традиция : философия, психология, психотерапия. – 2008. – Вып. 1/2008. – С. 143–151. (0,56 п.л.)
28. *Лукьянов О.В.* Феноменологическая психология в университете. Об опыте преподавания одноименного спецкурса студентам-психологам // Московский психотерапевтический журнал. – 2009. – № 2. – С. 168–190. (1,3 п.л.)

Тираж 100 экз.
Отпечатано в КЦ «Позитив»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а